

АНТОН
ЧИЖ

АГАТА И СЫСК
РУЛЕТКА
СУДЬБЫ

Родион Ванзаров

АНТОН ЧИЖ
Рулетка судьбы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чиж А.

Рулетка судьбы / А. Чиж — «Эксмо», 2019 — (Родион Ванзаров)

Январь 1894 года. В Арбатской части Москвы в закрытом доме найдена мертвой богатая вдова. Умерла или убита? Вопрос, который скрывает ребус. Чтобы разгадать его, надо помнить: картинка ребуса имеет много смыслов. Чиновник московского сыска Алексей Пушкин и гениальная воровка Агата Керн вступают в большую игру, которая началась с давнего преступления. Им предстоит раскрыть тайну дома на Большой Молчановке, разгадать секрет подпольной рулетки и проникнуть в семейные тайны. Ставки чрезвычайно высоки. У страшной рулетки судьбы выиграть почти невозможно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Чиж А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Zero	6
Ставка первая: La carré[9]	10
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Антон Чиж

Рулетка судьбы

© Чиж А., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*ИХАРЕВ (схватывается со стула и в волнении ходит по комнате).
Хитри после этого! Употребляй тонкость ума! Изоцряй, взыскивай
средства!.. Тут же под боком отыщется плут, который тебя
переплутует... Только и лезет тому счастье, кто глуп, как бревно, ничего
не смыслит, ни о чем не думает, ничего не делает, а играет только по
грошу в бостон поддержанными картами!*
Гоголь Н. В. Игроки

От Рождества Христова 1894 год
От сотворения мира 7402 год
От основания русского государства 1032 год
От введения христианства в России 906 год
От начала Московского государства 567 год
От первого Земского собора в Москве 347 год
От вступления на престол дома Романовых 281 год
От рождения Петра Великого 222 год
От основания первой русской газеты 191 год
От смерти Петра Великого 169 год
От Екатерининской законодательной комиссии 127 год
От постройки первой железной дороги 56 год
От уничтожения крепостного права 33 год
От введения новых судов 30 год
От освобождения Болгарии 16 год
От вступления на престол Александра III 14 год

Zero

Назревала катастрофа. Месье Клавель ощущал ее терпкое дыхание. Он так давно стоял за столом, что научился видеть скрытое движение игры. Не глазами, а сердцем видел он, как плетутся невидимые нити. Это видение, немного странное и сказочное, было секретом, о котором нельзя рассказать управляющему, чтобы не сочли за сумасшедшего и не прогнали вон.

Да, он видел скрытые токи игры, которые пульсировали вокруг стола. Игроки – слепцы, не видят этих нитей. Зато их видел месье Клавель. Они, как вены, по которым течет кровь игры, опутывали рулетку с игроками, чтобы удача не доставалась никому, разделившись между всеми и никем.

Игра вбирала в воронку зеленого сукна и надежды, и горе, и жизнь игроков. Игра была живым организмом, играющим с игроком, как кошка играет с мышонком. Игрок, доверчивое и слепое существо, шел на зов, попадая в сеть. Месье Клавель видел потому, что никогда не играл. Он был привратником, служа преданно и честно. За это хозяйка-игра приоткрыла ему завесу тайны. Так что месье Клавель мог порой предугадывать, что произойдет за столом в ближайшие удары, как называли ставки игроки.

Нынче крупье уже знал: случится нечто невозможное, чему он не мог ни помешать, ни противостоять. Потому что один игрок разорвал тайные нити. Сама игра сжалась, месье Клавель ощутил, как она испугана, его девочка, и замерла на зеленом сукне, на котором вытравлено золотом тридцать семь цифр.

Если крупье боялся разорения рулетки, то страх игры был иным. Он знал, чего испугалась она: нашелся некто, кто разгадал секрет – и теперь накинёт уздечку, будет управлять ею, непредсказуемой, по своему желанию. А она, обреченная, потеряет свободу.

Странные мысли крутились в голове месье Клавеля. А руки запускали шарик слоновой кости навстречу летящему кругу черных и красных цифр.

...Беду месье Клавель учуял с первой ставки, которую сделала барыня.

За годы, проведенные у стола, он научился считывать характер игрока. Одни слепо верили в удачу и делали ставки, почти не глядя. Другим хватало выдержки играть по системе: записывать, высчитывать, после чего делать удары. Некоторые держались несложных принципов: например, удваивать ставку на цвет. Одному из тысячи удавалось выиграть, и даже много выиграть. Кто-то приходил каждый день и был доволен тем, что регулярно уносил с рулетки десяток выигранных франков. Все они заканчивали одним: деньги возвращались в игру. Что было неизбежно.

Поведение пожилой дамы не вписывалось в рамки. С виду она была такой типичной московской *la babushka*, немного простоватой и вульгарной, на вкус месье Клавеля: домашняя прическа, рыхлая кожа лица, требующая ухода, коричневое платье немодного фасона и полное отсутствие украшений. Однако за простотой могло скрываться неплохое состояние. Именно у таких старух водились деньги, которые они желали приумножить игрой. Месье Клавель повидал подобных русских барынь в Висбадене и Монте-Карло. Они начинали бойко, даже выигрывали приличные суммы, но потом хотели еще и еще – и спускали выигрыш, а за ним все, что привозили с собой в кошельке. К досаде родственников, которые сильно рассчитывали на их деньги.

Вот только *la babushka* в коричневом вела себя непривычно. Встав у стола так, чтобы не мешать игрокам, следила за выпадавшими цифрами. Месье Клавель сразу заметил, что смотрит она совсем не как простодушный дилетант. Взгляд ее был взглядом хищника, поджидающего добычу. Ждала она долго, слишком долго для невинного любопытства. Месье Клавель знал, что некоторые игроки караулят *zero*, чтобы сразу сорвать приличный куш. Угадать, когда выпа-

дает заветная цифра, не мог даже он. Неужели *la babushka* наслушалась сплетен про везение игроков, впервые попавших на рулетку? Месье Клавелю стало любопытно, что будет дальше.

Сыгран очередной кон. Шарик упал в лунку. Месье Клавель огласил: «Neuf, rouge, impair, manque!»¹, собрал лопаткой проигравшие ставки (игра шла только на живые деньги), расплатился за небольшие выигрыши на цвете. И, почти не думая, как автомат, сказал: «Faites le jeu, messieurs! Faites le jeu, messieurs!»²

Местная публика относилась к рулетке, как к новому аттракциону и развлечению. За пять дней не было больших, по мнению месье Клавеля, проигрышей. Пока рулетка приносила умеренный доход. Хотя ожидалось иное.

На сукно легло с полдюжины ставок. Ставили от силы десять рублей. Чаще всего три или пять, чтобы «взбодрить кровь игрой». Месье Клавель оценил, что общий доход от удара будет скромный. Как вдруг *la babushka*, он невольно закрепил за ней это прозвище, поставила сто рублей на zero. Месье Клавель не понимал по-русски, но без языка было ясно: пожилой даме знакомые ее, оказавшиеся в этот вечер за рулеткой, советовали не делать опрометчивую ставку. Шансы на выигрыш ничтожны, лучше поставить на цвет. Пожилая дама отмахнулась от советчиков. Ее право. Месье Клавель знал, что шансы дамы менее чем ничтожны: zero выпадало два удара назад, что делало проигрыш ста рублей делом решенным.

Глядя на ассигнацию на zero, солидный господин с большим животом, обтянутым золотой цепочкой, бросил на красное купюру в двадцать пять рублей.

– А вот мы эдак шельму! – громогласно заявил он и оборотился к эффектной брюнетке с быстрыми глазками. Дама ответила милостивой улыбкой.

Перед открытием рулетки месье Клавеля предупредили, что подобные господа, *la marchands*³, должны приносить основной доход, могут и должны проиграть много, очень много. С этим господином начало положено. Он традиционно спросил: «Никто больше не желает сделать ставку?» – и запустил шарик. Как только шарик потерял инерцию и был близок к падению на колесо, месье Клавель произнес: «Rien ne va plus!»⁴, запрещая игрокам перемещать или менять на столе ставки.

Шарик упал. Случилось невозможное. Месье Клавель натянуто улыбнулся, провозгласив: «Zero, messieurs!», сгреб все ставки, включая ставку купца, и выплатил пожилой даме 3500 рублей, выигрыш для новой рулетки неприятный. Знакомые стали поздравлять даму и, кажется, просили одолжить с выигрыша. Она отмахнулась от них, как от надоедливых мух.

Вот в этот момент месье Клавель впервые ощутил недоброе предчувствие.

Он еще надеялся, что порядок не будет нарушен: сейчас дама отложит большую часть денег, они всегда так поступают, и метнет рублей двести-триста. Которые наверняка вернутся в банк. Эта гранд-мадам (месье Клавель невольно повысил ее в обращении) повела себя более чем странно: пропустила подряд три удара, только наблюдая. После чего, неизвестно по какой причине, поставила на *douzaine* P⁵ всю сумму. Месье Клавель не имел права давать советы игрокам, но тут ему захотелось кричать: «Какую глупость совершаете, мадам!» Он всего лишь вежливо улыбнулся. Зато родственники гранд-мадам приложили все усилия отговорить от безумного поступка. Так было жалко им выигранных денег. Она строго прикрикнула.

Месье Клавель запустил колесо. Как только шарик понесся навстречу цифрам, он понял, что гранд-мадам выиграет. Так и случилось. Под завистливые вздохи публики крупье отсчитал

¹ Девять, красное, нечет, меньше половины (фр.).

² Делайте вашу ставку, господа! (фр.).

³ Купцы (фр.).

⁴ Больше ничего! (фр.).

⁵ Ставка на первую (обозначена внизу стола буквой P) «дюжину» номеров: от 1 до 12.

7000 рублей. Куда вошли двести рублей месье с золотой цепью, которые он проиграл. Улыбка брюнетки скрасила ему горечь поражения. Купец только сильнее завелся.

Предчувствие беды стало слишком сильным. На таком выигрыше месье Клавель не имел права закрыть рулетку. Как бы ему того ни хотелось сделать. Игра должна продолжаться. Теперь гранд-мадам повела себя так, как не способна женщина, поймавшая удачу, в игре: она стала пропускать удары, опять чего-то ожидая. Месье Клавель не мог разгадать, что за систему она применяет. Никакая известная ему стратегия игры не позволяла делать такие нелогичные и редкие ставки. Крупье окончательно убедился, что гранд-мадам совсем не так проста, как кажется, после того как она поставила на *cartré*⁶ всю сумму (родственники чуть ли не на коленях умоляли не делать этого).

И выиграла.

Похолодевшими пальцами крупье отсчитал 60 000 руб-лей. Улетел весь банк рулетки за последние три дня...

Месье Клавель видывал удачу игроков. Иногда они выигрывали много франков, флоринов, луидоров, талеров, гульденов, фридрихсдоров и золотых гиней. Но никогда и никто не выигрывал так быстро и без видимой системы. Будто зная наперед, куда упадет шарик. После третьей ставки гранд-мадам им овладел настоящий страх: рулетка на грани разорения. Чего не могло быть никогда. Господа акционеры, вложившие свои капиталы в открытие надежного предприятия, спросят: «Как такое могло случиться? Где же барыши? Почему рулетка во всех странах приносит гарантированный доход, а в Москве – одни убытки?!» Что ответить ему? Он всего лишь бросает шарик и объявляет выигравшие номера.

У крупье оставалась последняя надежда: гранд-мадам заберет выигрыш и уйдет, чтобы вернуться завтра и проиграть его. Или он ничего не понимает в играх. Когда же мадам сделала ставку 60 000 рублей на черное, он признал, что, видимо, не знает чего-то очень важного. Знакомые гранд-мадам уже не могли ни кричать, ни молить: они просто потеряли дар речи. Чудовищная сумма, на которую в Москве можно не один дом купить, поставлена на цвет. Гранд-мадам была спокойна. Как статуя в саду Тюильри.

Что оставалось месье Клавелю? Он запустил колесо. Объявив: «*Rien ne va plus!*», старался заметить, куда свалится шарик. И волновался, как обычный игрок. Немного помедлив, шарик свалился в лунку.

Семнадцать. Нечетное. Меньше половины... Черное.

В зале дрожала тишина. Дрогнувшим голосом месье Клавель сообщил, что мадам выиграла 120 000 рублей, рулетка на сегодня закрывается. Купец просадил тысячу, чем был сильно недоволен, а особо тем, что брюнетка исчезла. Но какое дело месье Клавелю до подобных мелочей. Он опустошил весь банк, чтобы рассчитать выигрыш.

Гранд-мадам повела себя возмутительно: сгребла ассигнации, засунула в объемный ридикюль и даже не наградила крупье за игру. Повернулась и просто ушла. За ней увязалась свора друзей.

Катастрофа случилась.

Завтра, нет, уже сегодня месье Клавелю предстоит давать отчет, как такое могло случиться. Отвечать ему будет попросту нечего. Крупье пребывал в глубоком отчаянии. И тут в памяти всплыл давний случай. Тридцать лет назад, когда он начинал младшим крупье, то есть собирал ставки игроков за большим столом *Spielbank Wiesbaden*⁷, пришла барышня, довольно молодая, которая в четыре ставки выиграла 140 000 франков⁸. После чего навсегда исчезла из

⁶ Ставка на четыре смежных номера, образующие каре. Выигрыш 1:8.

⁷ Игорный дом Висбадена (*фр.*).

⁸ Примерно 50 000 рублей по курсу 1863 года.

игорного зала. Месье Клавель уже не помнил, на что она ставила, но помнил другое: барышня была из России.

Воспоминания ничего не объясняли и не могли вернуть проигранных денег. Месье Клавель только подумал: у гранд-мадам стальной характер. Мало того что не побоялась поставить все, так еще и вышла в глухую зимнюю ночь с кучей денег. Наверняка ее ожидает карета.

Крупье выглянул в окно. Ночь была густа, но силуэт дамы, удалявшийся по переулку, он различил. Одна, без спутников. Шла ночью пешком. Какой же отчаянной храбростью обладает? Или это безрассудство? Он невольно признался себе, что, будь немного помоложе и расторопней, воспользовался бы шансом: хватит одного удара, чтобы вырвать ридикюль и скрыться в ночи... Говорят, в Москве за рубль могут зарезать...

Месье Клавель отогнал греховные мыслишки.

Или тех, кому благоволит удача, смерть обходит стороной?

Ставка первая: La carré⁹

1

Святки в Москве требуют не только железного здоровья, но и покорности судьбе. Который год начальник московской сыскной полиции Михаил Аркадьевич Эфенбах сначала ждал любимый праздник, а потом не мог дожидаться, когда же кончатся мучения. В праздничные дни Рождества, начиная с 25 декабря¹⁰ (26-е и 27-е тоже неприсутственные¹¹), Эфенбах не принадлежал себе и полицейской службе, а принадлежал целиком семье. Вернее, жене. Если совсем уж откровенно, ее родственникам. У дражайшей супруги имелся нескончаемый запас тетушек, дядюшек, племянников, племянниц, кузенов, кузин и прочих родственников, которых требовалось непременно навестить, поздравить и подарить подарочки. Ну как же без них!

Давно переехав из Петербурга, Эфенбах омосковился, что означало не только службу в московской полиции, но и женитьбу на московской барышне. Первые годы он никак не мог привыкнуть к ненормальному, с точки зрения петербуржца, и непомерному, с любой точки зрения, обилию родственников, которым надо отдавать визиты на главные праздники. Поначалу ему казалось, что Москва состоит из одних родственников или дальних родственников. Не говоря уже о знакомых. Эфенбах никак не мог понять: почему нельзя послать приятную открытку или посылного со скромным подарком, как это принято в столице, а надо непременно всей семьей с детьми тащиться из одного конца Москвы в другой с горой подарков. Чтобы сносить поцелуи, объятия и застолья у каждой тетушки.

Застолья были самым тяжким испытанием. Петербург воспитывает в чиновнике и человеке умеренность и строгость – в поступках, поведении и еде. Эфенбах не был исключением. Он долго не мог привыкнуть к тому, что люди, особенно пожилые тетушки, способны сидеть за столом, прогибаясь под горами жареного, копченого, вареного и соленого. И ведь не просто сидеть за культурной беседой. Нет! Наготовленное к праздникам потреблялось тетушками в непомерных количествах и запивалось огромным количеством домашних настоек тетушек, «особых» настоек тетушек, «заветных» настоек тетушек и, будь они неладны, «деревенских» настоек тетушек.

После третьего застолья за день Эфенбах уже плохо понимал, какую именно тетушку сжимает в жарких объятиях и желает счастья. И ему, и тетушкам было уже все равно. Настойки свое дело делали. Утонув в праздничной кутерьме, Эфенбах на следующее утро выныривал с чугунной головой, хоть ему обещали, что настойка «чудодейственная», давал себе слово остаться дома, но мольбы жены призывали на новый подвиг. И на новых тетушек с новыми наливками. Каждый год он надеялся, что, встретив Рождество с семьей, избежит марафона визитов и наливок. В этом году праздники пошли по заведенному порядку.

Хоть Михаил Аркадьевич бурчал на жену и упрямылся ехать к очередной тетушке, но в глубине души обилие родственников ему нравилось. Он ни за что бы не признался, но родственников жены полюбил, как своих. Ведь кроме них родни у Эфенбаха не осталось. Вернее, путь к своим ему был закрыт. Расстояние этому не было причиной. Дело обстояло куда печальней: семья забыла и прокляла его, когда ради карьеры и службы он сменил веру. Что было тайной болью его сердца. А в радостях праздника ощущалось особенно остро. Об этом

⁹ Игра на четыре смежных номера, образующих вместе каре. Выигрыш 1: 8.

¹⁰ По старому стилю.

¹¹ Праздничные выходные.

не полагалось знать никому, даже супруге. Так что Эфенбах продолжал бурчать, делать визиты и поглощать настойки.

Но и тяготам приходит конец. Утром второго января наступившего 1894 года Эфенбах твердо заявил супруге, что обязан явиться на службу: и так бессовестно прогулял четыре дня, включая тридцать первое декабря, когда обязан был заседать в кабинете. Там, чего доброго, такое могут накуролесить, что весь год не расхлебашь. Конечно, Михаил Аркадьевич лукавил. Он прекрасно знал неписанный закон Москвы: на Святки воровской мир обретал человеческое обличье. Все, кто мог, радовались и веселились. С мелкими происшествиями вроде пьяной драки или наезда саней на нетрезвого прохожего справлялись городовые. На то они и поставлены, служивые. В эти дни сыск мог преспокойно отдыхать.

Чмокнув жену и выразив сожаления, что не сможет сегодня лично поздравить тетюшку Пирамиду Несторовну и отведать ее бесподобной настойки, которую особо почитал, Эфенбах бежал из дома. И вскоре уже входил в родную полицию.

Московский сыск, как известно, располагался на третьем этаже городского дома¹², то есть канцелярии обер-полицмейстера в Малом Гнездниковском переулке. На первом этаже был открыт адресный стол. Кабинет и собственно канцелярия главы московской полиции занимали весь второй. А на третьем, под самой крышей и над головой полковника Власовского, располагался московский сыск.

Войдя в приемное отделение, то есть одно из трех помещений сыска (другим был кабинет Эфенбаха, а третьим – угол, отгороженный стальными прутьями), начальник обнаружил свое воинство далеко не в боевом духе. Чиновник Лелюхин, подперев щеку, откровенно храпел, юный чиновник Актаев жадно пил воду. И только чиновник Кирьяков, приложив ко лбу сырую тряпицу, записывал жалобу дородного господина, судя по виду – купца. Не московский, горбодовый¹³.

Состояние подчиненных Михаил Аркадьевич глубоко понимал, но не имел права выказать сочувствие. Им всем еще предстоит продержаться до конца праздников, 6 января и Богоявления. Изобразив повелительно-призывающий жест, на какой был способен в это тяжелое утро, он двинулся в кабинет. Актаев растолкал Лелюхина, а Кирьяков попросил купца обождать: срочное совещание. Войдя, чиновники застали начальника немного растекшимся по креслу. Эфенбаху было так дурно, что он уже готов был достать початую бутылку шустровского, что хранилась в нижнем отделении стола, и покончить с мучениями. Причем у всех сразу.

Чиновники кое-как расплзлись по стульям. Михаил Аркадьевич решил повременить с заветной бутылкой. Чего доброго решат, что нынче у начальника голова не вполне готова служить.

– Ну, соколы мои раздражайшие, каких делов *намастрячили*? – строго спросил он.

Другой бы человек поразился обилию редких, если не сказать удивительных слов в речи Эфенбаха. Но чиновники сыска были привычны к тому, что начальник их порой выражается непредсказуемо, изрекая заковыристые пословицы и поговорки. Возможно, услышав одну из них, какой-нибудь ученый филолог, слабый духом, бросил бы бесполезную науку и пошел в городовые.

– Так ведь все слава богу, – ответил Лелюхин не только по праву старшинства. Дни перед Новым годом он провел в сыске в качестве добровольного дежурного. Праздновать Василию Яковлевичу было не с кем, жил он бобылем, так что коротал время в приемной части за французским романом и рюмкой ликера.

– Участки чего там доносят?

¹² Название полицейских домов в Москве.

¹³ Горбодовый – приезжий.

– Мелочь, не стоящая внимания, – ответил Актаев, который только сегодня утром просмотрел почти пустые полицейские сводки.

– Вот оно, значит, куда закатилось, – сказал Эфенбах, почти созревший для шустовского. – А что там за птица-увалень не спит с утра ранее?

Вопрос относился к Кирьякову. Он и ответил.

– Купец Иков, из Нижнего прибыл на праздники развлечься, без жены и семейства, разумеется. Так в ночь на первое января проиграл тысячу рублей.

Тут Михаил Аркадьевич вспомнил, что вчера тоже у какой-то тетушки имел несчастье сесть за стол и продуть в баккару¹⁴ десять рублей, играя по десять копеек на кон. Потеря не то что существенная, скорее обидная.

– И куда *купец-золотец беспросветный* играть сунулся?

– Представьте: на рулетку.

Эфенбах прекрасно знал, где и как играют в Москве. Но только в карты. Откуда же завелась рулетка? До сих пор она не приживалась на отечественной почве.

Говорят, что впервые рулетка появилась при дворе Екатерины Великой и была довольно популярна среди придворных. Но после смерти императрицы исчезла. Снова возникла в царствование Александра II, в 70-е годы, прячась по частным квартирам. После чего опять-таки растаяла. Вероятно, причиной тому было откровенное жульничество держателей рулетки, которые устанавливали свои правила. Например, нельзя было уйти с большим выигрышем без того, чтобы не поставить «на посошок». После чего выигрыш непременно проигрывался.

Народ же играл на улицах в фортунку: ручной вариант рулетки без игрового поля. Но серьезной конкуренции картам и она не составила. Карты были любимейшей забавой и бедой всех сословий. Конечно, те, кто выезжал за границу, посещали казино в Гамбурге, Баден-Бадене, Эмсе, Спа и, конечно, в Монте-Карло. Возвращаясь с рассказами, как они лихо спустили сотню-другую франков. Что же до полиции, то на верчение рулетки смотрели довольно-таки милостиво, попросту говоря – сквозь пальцы. В общем, в Москве про рулетку давненько не слыхивали.

– Это кто ж такой проворный, на колу задорный?

В переводе на привычный русский с эфенбаховского диалекта это означало: «Кто хозяин заведения?».

Кирьяков только плечами пожал.

– Рулетку держат на Спиридоновской улице, угол Гранатного переулка...

Большой дом-утиг, поставленный в четыре этажа в стиле ампир, Эфенбах знал. Дом располагался на территории 1-го полицейского участка Арбатской части¹⁵. Место само по себе пристойное, публика селилась чистая, знатные купеческие фамилии обжились особняками. Просто так чужой не сунется.

– Выходит, Нефедьев, бобер расторопный, так вот умудрился, – помянул Эфенбах участкового пристава, который отвечал за дом с объявившейся рулеткой. – Ну ничего, как говорится: сколько две шубы ни надевай, а кирпич упадет... На что купец жалобу имеет? На рулетке шулерят?

– Обижен на барышню, что на игру затащила. Считает, нарочно подвела.

– Деньги украла?

– Вроде на сукне оставил... Так что, Михаил Аркадьевич, заявление того... – Кирьяков махнул ладонью, будто сметал мусор.

– Нет уж, раздражайший мой, гостя Москвы обидели, значит надо *честь навесть!*

¹⁴ Баккара – очень азартная игра в две колоды по 52 карты, похожая на покер. Запрещена для клубной игры.

¹⁵ В полицейском отношении Москва была разделена на три отделения, состоявшие из 17 городских частей, поделенных на 40 участков.

Эфенбах знал, что дело выеденного яйца не стоит, купчишка сам деньги просадил. Но нельзя, чтобы чиновники маялись без дела. Пусть хоть один ноги разомнет.

А вот чем бы остальных занять? Глянув на трех страдалцев, он только сейчас заметил нехватку.

– А позвольте знать, *серебристые* мои, где Пушкин?!

– Спит, не иначе, – ответил Кирьяков. – Как уж водится...

Эфенбах собрался было метнуть парочку громов и молний в ленивого и отсутствующего чиновника, но тут распахнулась дверь, и чиновник канцелярии строгим тоном пригласил начальника сыска к обер-полицмейстеру. На совещание.

Только этой пытки Михаилу Аркадьевичу не хватало трудным утром второго января.

2

Любящий племянник от нелюбящего отличается тем, что поздравляет тетюшку с Рождеством хотя бы второго января, а не откладывает на месяц-другой. Свою тетюшку Львову Пушкин очень любил, но идти к ней с поздравлением было хуже, чем слушать фортепьянный концерт.

Причиной тому была не лень, про которую знала вся полиция Москвы, а Пушкин старательно поддерживал слух. Причина была в том, что с 25 декабря (да, именно с этого дня) он пребывал в глубоко мрачном настроении. Тоску и печаль не разогнали праздники, Пушкин отказался от всех приглашений, не пошел на новогодний прием к генерал-губернатору и даже не коснулся книг, которые наметил прочесть. Все неприсутственные дни он проводил на диване, глядя в потолок. Впрочем, последние дни года тоже. Он знал, что, если понадобится, за ним пришлют из сыска. А добровольно идти на службу желания не было ни малейшего. Как будто служба потеряла для него всякий смысл.

Порой он открывал в суворинском календаре на 1894 год¹⁶ хрустящую, как пергамент, карту железных дорог России и рассматривал тонкие черные ниточки, которые тянулись из Москвы паутиной во все концы империи. Водил по ним пальцем и попадал то в Киев, то в Минск, то в Воронеж, а иногда доезжал до Екатеринодара. Добравшись до нового города, Пушкин мрачнел и уходил в себя. Посреди омута тяжких размышлений он не признался бы, в чем причина этакого непраздничного состояния духа. Никогда и никому.

Наконец он собрался навестить драгоценную родственницу. В качестве подарка заранее была закуплена стопка книг в книжном магазине в доме графа Орлова-Давыдова на Никольской. А именно: «Девочка, которая долго считалась за мальчика», роман Поля де Кока; «Гуак, или Непреоборимая верность», рыцарская повесть в двух частях; «История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королеве Ренцывене»; «Похитители брильянтов», роман в трех частях Луи Буссенара, и «Роковое кольцо», роман в пяти частях Луи Жаколио. На вкус Пушкина книги были как на подбор: изумительной глупости. Как раз такие, какие обожала тетюшка. Чем всегда изумляла племянника.

В отличие от обычных любящих тетюшек, которые так и норовят накормить племянника до отвала и поскорее женить, мадам Львова была необычной тетюшкой. Готовить не умела и не любила, зато любила решать математические задачки, разгадывать головоломки, шарады, анаграммы, монограммы, логогрифы и ребусы. А однажды выиграла приз (полное собрание сочинений Карамзина) за разгадывание большого ребуса в журнале «Ребус». И женить Пушкина на дочках своих приятельниц не пыталась. То есть была образцом тетюшки, так сказать. К тому же жила она на Тверском бульваре, поблизости от Страстной площади, так что памятник Поэту

¹⁶ Ежегодный справочник-календарь издательства А. С. Суворина. Издавался с 1871 года.

среди четырех фонарей был виден из ее окна чуть в профиль. До Гнездиковского переулка от нее было рукой подать.

Дорогого племянника тетушка встретила как полагается: потрепала по щеке, заметив, как вырос и возмужал ее мальчик. Что повторяла последние лет пять. Если не десять. «Мальчик» мрачно улыбнулся, вручил сверток с книгами и сказал, что сильно спешит, на чай не останется. От тетушки еще никто не уходил вот так запросто. Пушкина заставили раздеться и заглянуть «на минутку». Он покорился неизбежному.

В гостиной, где стояла пушистая елка и было все как прежде – и тепло, и запах дома, на Пушкина нахлынули воспоминания детства и о праздниках, которые он счастливо проводил здесь. Отчего стало совсем тоскливо.

– Ты что, дружок мой, мрачен, как турок под Плевной? – спросила тетушка, насильно усаживая его на диван перед чайным столиком с покупным вареньем. Максимум, на что хватило ее хозяйской хлопотливости. – Влюбился?

– Тетя, прошу вас! – с гордым возмущением ответил Пушкин, как и всякий мальчик, который уверен, что может скрывать от любящей тетушки тайны сердца.

– Ну и хорошо, – легко согласилась она, наливая и передавая ему чашку остывшего чая. – Как служба, сыщик? Много страшных злодеев поймал?

– Большие злодеи перевелись, а мелкие неинтересны, – ответил Пушкин, хлебнув чай. На вкус, как скисшее молоко.

– Жаль, что Москва наша измелечала на преступников, – сказал тетушка, легкомысленно помахивая домашней туфлей. – А я думала, расскажешь какую-нибудь занимательную историю из жизни уголовного мира.

– И была бы – не рассказал бы, – ответил мрачный племянник.

– А что так? Во мне – как в банковском сейфе. Никому выдачи нет.

– Тайна розыска, не имею права, – последовал невежливый ответ.

– Ну и ладно. – Мадам Львова сунула руку под подушку и достала пакет, перетянутый шелковой тесемкой. – Тебе презент, мой милый бука!

Пушкин пробурчал благодарность, не забыв отметить: кажется, тетушка точно знала, когда он придет. Ну не может же она так понимать его? Для чиновника сыска подобная слабость недопустима.

– Слышал новость? В Москве появилась рулетка! Здорово, не правда ли?!

– Не может быть, – ответил Пушкин, из вежливости хлебнув чайку.

– Отчего же не может?

– Статья 990-я «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» и статьи с 260-й по 263-ю «Свода уставов о предупреждении и пресечении преступлений» сие запрещают. Азартные игры запрещены. Рулетка в том числе.

Тетушка всплеснула руками.

– Ах, боже мой! Статья 260-я! Статья 990-я! Ах, ох, ух! Фу-ты ну-ты! Какие страсти! Да о чем ты говоришь, мой дружок? Кто у нас статьи эти читал, кроме вашей полиции? Кругом как играли, так и играют! И не подозревают о подобных строгостях! Признай честно, мой друг: проглядели рулетку. А еще сыскная полиция... Хо-хо!

Заявление было довольно обидным, потому что справедливым. Пришлось залить его мерзким чаем.

– Если вы, тетушка, имеете в виду статью 264-ю вышеназванного Свода, которая отменяет наказания за игру, если она служит игроку забавою или отдохновением в кругу семьи...

Тут мадам Львова хулиганским образом изобразила лошадиное фыркание.

– Да ты совсем чиновником заделался, мой дружок! – сказала она. – Какая муха тебя укусила?

– Мух зимой нет. Как рулетку открыли, так мы закроем, – пообещал Пушкин. За что получил нежный хлопок по плечу.

– Не будь таким противным. Тебе это совсем не идет, мой мальчик...

Если тетя видела племянника насквозь, так и Пушкин изучил тетю. Начала заговаривать зубы рулеткой, значит, держит про запас кое-что еще. Так и случилось. Немного поругав погоду, нравы и манеры городских, тетушка заявила, что у нее есть маленькая просьба, от которой нельзя отказаться. Понимая, что соглашаться не стоит ни в коем случае, Пушкин дал слово выполнить все, что от него попросят.

Оказалось, что тетушка хотела не так чтобы многого. В Москве проездом находится дочь ее старого приятеля Тимашева. Барышня была отправлена за границу, то ли на учебу, то ли с глаз подальше, и пробыла там под надзором родного брата Тимашева три года. Пока ее дядя внезапно не скончался. Мадемуазель Тимашевой было приказано вернуться под опеку отца. Имение его расположено под Москвой в ста верстах, так что барышне было позволено заехать на праздники в Златоглавую. Тем более у нее здесь проживают родственники. Ну и давняя знакомая Тимашева госпожа Львова, что считалось почти родством.

– Она милая, славная, хорошо воспитанная, образованная барышня, – сказала тетушка наигранно равнодушным тоном. – И такая красавица, что глаз не отвести. Кстати, Андрей Алексеевич Тимашев дает за ней очень даже приличное приданое. Ну и имение, конечно...

Все было ясно. Тетушка отправилась по скользкой дорожке сватовства. Не спасли ни ребусы, ни математические задачи. Как видно, все московские тетушки, даже лучшие из них, подобным заканчивают...

– Неужели барышня одна приехала? – спросил Пушкин, не выдавая, что раскрыл коварный план дорогой родственницы.

– Конечно нет, как можно! С Настасьей ее товарка или компаньонка – в общем, горничная и гувернантка в одном, девушка Прасковья. Они вместе были за границей, вместе в Москве.

– Что от меня требуется? – сухо спросил Пушкин.

– Совсем малость, мой дружок: нанеси визит вежливости.

– Это всё?

– Какой ты противный стал у себя в полиции, честное слово! Нет, не всё! А покажи Настасье нашу Москву-красавицу, памятники и соборы, погуляй с ней по Тверской и Кузнецкому, покатай на санях. Ну и все такое...

– К цыганам в «Яр»¹⁷ отвести? – спросил племянник, за что схлопотал другой шлепок.

– Ты дал слово быть хорошим мальчиком!

Такого слова Пушкин, по-честному, не давал. Но деваться было некуда. Он обещал, что на днях, когда появится свободная минутка среди вороха срочных дел, заедет в гостиницу «Лоскутную», где остановилась барышня Тимашева. Этого тетушке было мало: она потребовала, чтобы «мальчик» нанес визит непременно сегодня. И чтобы не был таким мрачным субъектом. Барышни от этого чахнут, как цветы.

– И пожалуйста, не закрывай рулетку, – сказала она, провожая племянника и подставляя ему щеку для поцелуя. – Там все пристойно, как мне донесли. Я только собралась посетить ее, вспомнить молодость. Ты знаешь, я ведь играла...

Пушкин семейные предания помнил. Он обещал не трогать гнездо азарта, пока дражайшая родственница не просадит там столько денег, сколько сочтет нужным.

¹⁷ «Яр» – знаменитый московский ресторан с цыганским хором на Петербургском шоссе, в районе Петровского парка.

Арбатская часть Москвы походила на провинциальный городок. Тихие улочки с одноэтажными домами, окруженные садами, дремали под неторопливое течение времени. Большая Молчановка мало чем отличалась от соседней Малой Молчановки, Борисоглебского или Кречетникова переулков. Неширокая, чтобы разехаться двум телегам, уютная, застроенная небольшими особнячками и укутанная снегом. Выпавший покров дворники расчистили с проезжей части, навалив снежные буруны на тротуары и прокопав среди них узкие тропинки, чтобы господа пешеходы не проваливались по пояс. В утренний час Большая Молчановка степенно дремала. Лишь над трубами вились дымки растопленных печей.

На побелевшей улице черная фигура была хорошо заметна. На голове прохожего красовалась фуражка с кокардой почтового ведомства, через плечо форменной тужурки перекинут ремень кожаной сумки. Действительно, это был не кто иной, как служащий почтово-телеграфной конторы № 12, что на Арбатской улице в доме Бизыкина, известный всей округе почтальон Глинкин.

Известен он был тем, что всегда ходил по намеченному маршруту, никогда с него не сворачивая. По адресам можно было пройти десятком разных путей. Но Глинкин никогда не менял избранного. В каждый дом приходил он с такой строгой последовательностью, что в заведенный час раздавался стук или звонок в дверь. Наверняка в каком-то доме кухарка проверяла по его появлению часы. Что удивительно, Глинкин не только вручал письма и бандероли, но и упрямо сообщал: «Сегодня для вас писем нет-с!» Причем каждый день. Жители настолько привыкли к почтальону, что прощали ему такое откровенное чудачество. Как видно, в прошлой жизни Глинкин был англичанином-педантом и захватил в новую нажитые привычки.

Этим утром Глинкин немного запаздывал. Причиной тому были сугробы, которые тормозили движение, а проходы в них попадались редко. К тому же вчера, в новогодний праздник, писем он не разносил. Глинкин так торопился, что, одолевая замерзший сугроб, поскользнулся и больно шмякнулся спиной. Пожелав дворникам благополучия, какого им желает каждую зиму всякий прохожий, Глинкин двинулся по адресам, раздавая корреспонденцию или произнося коронную фразу.

Добравшись почти вовремя до двухэтажного особняка в старомосковском стиле с большими окнами, наподобие миниатюрного дворца, Глинкин позвонил. Ему открыла барышня в черном платье и белом переднике. Почтальон пожелал счастливого Нового года и сообщил, что писем нет. Впрочем, как всегда. Он знал, что в особнячке живет такая пожилая дама, что писать ей уже некому, и все равно держался своего порядка. Горничная сдержанно кивнула и закрыла дверь. Глинкин полагал, что заслужил хотя бы двадцать копеек в качестве новогоднего подарочка. Сегодня во всех домах его не отпускали без небольшого вознаграждения. Только в этом пожадничали. Он не обиделся. Глинкин рассчитывал получить с лихвой по следующему адресу.

Найдя щель в сугробах, он перешел на другую сторону Большой Молчановки, где располагался одноэтажный особняк в шесть окон с эркером. Глинкин вошел в ворота, которые давно не закрывались по причине проржавевших петель, свернул налево к крыльцу, оправил тужурку и выровнял фуражку. Чтобы быть молодцом.

В доме этом проживал его самый драгоценный, можно так сказать, адресат. А вернее, адресатка. Пожилая дама вела обширную переписку. Почти каждый день Глинкин приносил одно, а то три письма. Она тоже частенько отправлял письма. При этом за каждое платила по двадцать, а то и сорок копеек Глинкину, чтобы самой не ходить в почтовую контору. То есть почтальону доставалось от 10 до 20 копеек с конверта. В каждом доме так бы платили,

не служба была бы – сказка¹⁸. А еще на праздники Глинкина ожидал подарочек. На Рождество ему вручили целых пять рублей. Сейчас он рассчитывал на рубль, а то и три.

Глинкин дернул веревку старомодного звонка. За дверью послышалась хрипкое звяканье. Он знал, что дама не держит постоянную прислугу, носит продукты и готовит приходящая кухарка, за бельем заходит прачка. Надо немного обождать, чтобы дама успела к двери. Глинкин обождал, топчась на крыльце. За дверью было тихо. Открывать не торопились. А время то совсем уходит. Пора ему двигаться дальше. Ничего не оставалось, как позвонить еще.

Подождав, сколько хватило терпения, Глинкин дернул подряд три раза. Тут уж любой услышит, даже с кухни. Дама не открывала. Почтальон прямо-таки не знал, что делать. По своим правилам ему следовало быть уже в соседнем доме. Но не вручить письма и, самое главное, упустить мзду – как же такое возможно!

Разрываясь между долгом и жадностью, Глинкин крепко приложил кулаком в дверь и чуть не оборвал звонку хвост. От такого грохота хозяйка, если вздремнула, должна была непременно подскочить. Ничего не произошло. Совсем отчаявшись, Глинкин сбежал с крыльца, выскочил на улицу и приник к средним окнам. Со стороны гостиной шторы были прикрыты, оставляя узкую выемку. Разобрать что-то в полутьме было трудно. Ему показалось, что за столом виднеется силуэт хозяйки. Глинкин так старательно постучал в стекло, что задрезали рамы.

– Чего тарабанишь, Павлуша? – раздалось у него за спиной.

Глинкин обернулся. Дворник Прокопий, укутанный в серый фартук, для верности опирался на лопату, но шапку приветственно сдвинул набок.

– Анна Васильевна уехала?

Дворник изобразил глубочайшее сомнение.

– Куда ей ехать? Некуда ей ехать... Как известно, в доме своем прибывают...

– Чего же не открывают...

Прокопий перехватил черенок лопаты.

– Эх ты, Павлуша, душа почтовая, ничего не можете, сейчас я тебе покажу, как надо... – Дворник нетвердым шагом двинулся к воротам, справляясь с качанием земли. Глинкин последовал за ним.

Кое-как, чуть не рухнув лицом в ступеньки, Прокопий забрался на крыльцо, приник плечом к двери и принялся тыкать в нее черенком лопаты.

– Анн Сильна... Почтение мое! Отопрись! – кричал дворник, громко, но уважительно. Презенты на праздники не обходили его стороной.

Наблюдать за бесполезным зрелищем Глинкин больше не желал. Он прикрикнул, чтоб дворник перестал ломать дверь. Держась за поручни, Прокопий кое-как сполз с крыльца.

– Нету... ее... стало быть... в доме... – сообщил он. – Давай мне письма, Павлуша, как придет, ей передам...

На такие глупости Глинки не желал тратить время.

– Беги в участок, – почти приказал он.

Дворник искренне не понял, к чему такие сложности.

– Наверняка что-то случилось... Она должна быть дома, – сказал Глинкин.

– Нет уж, фигушки-дулюшки... В участок ни ногой... Сам иди, коли так надо, – ответил Прокопий, скрывая, что у него с приставом накопились неразрешимые противоречия. Противоречия возвышались неубранными сугробами по всей улице. Да и земля сегодня слишком шаткая.

Прокопий уперся окончательно. Выбор у почтальона был небольшой: или держаться сильно нарушенного порядка, или самому побежать в участок. Хотя у Глинкина не было таких

¹⁸ Зарплата почтальона составляла примерно 600 рублей в год, то есть 50 рублей в месяц.

неразрешимых противоречий с приставом, как у дворника, да и городских знал лично, но лишний раз посещать Арбатский полицейский дом ему не хотелось. Место такое, что лучше обходить стороной.

Глинкин достал дешевые карманные часы, подарок Анны Васильевны на его юбилей. График доставки окончательно сорван. Ну что теперь делать?

4

С точки зрения чиновника, Пушкин вел себя возмутительно. В такой час быть не на службе? Да кто может себе подобное позволить? Пушкин мог. Не из дерзости или высокомерия. А из точного, математического расчета.

Как-то ради чистого научного интереса он собрал в таблицу время происшествий, которые требовали вызова сыскной полиции, то есть те, которые участковый пристав не мог (или не хотел) расследовать сам. Открылась забавная история: преступления укладывались примерно в три временных интервала – утренний, послеобеденный и ночной. Конечно, были отклонения, но допустимые расчетом.

Статистическое наблюдение было столь ярким, что наводило на размышления: видимо, существуют неизвестные ритмы человеческого поведения, которые управляют совершением преступлений. То ли в определенные часы человек более склонен к злодейству и нарушению закона, то ли мы мало что понимаем в окружающем мире.

Таблицы свои Пушкин показал Эфенбаху, предлагая простую мысль: зачем приходить на службу, когда ничего не происходит, не лучше ли чиновникам быть на месте тогда, когда с большей вероятностью можно ожидать вызова. Эфенбах не стал вникать в математические выкладки, потребовал не «мусорить» голову ему, а особенно чиновникам, всякой ерундой и являться в положенный срок. Пушкин согласился, но поступал по-своему. Ближайший «интервал преступлений», как он его назвал, должен был начаться примерно через час. Пушкину оставалось около получаса. Чтобы окончательно не злить Эфенбаха поздним приходом. Появилась мысль, которая требовала немедленного исполнения.

Вместо того чтобы свернуть в Малый Гнездиновский, Пушкин прошел мимо и вышел в Леонтьевский переулок. Почти сразу он нашел багетную и картинную мастерскую Абрамовского, занимавшую часть первого этажа в доме Шкотта. Его встретил приказчик. Пушкин спросил, можно ли заказать небольшие рамки. Приказчик сообщил, что по капризу заказчика они делали рамы для домика кукол. Оставалось только выяснить, какого именно размера господину нужны рамки.

Пушкин вынул блокнот с черной матовой обложкой, который всегда держал при себе. Сняв резинку, державшую блокнот в строгости, он показал карандашный рисунок женской головки. Приказчик взглянул и, как опытный торговец, выразил восхищение рисунку. Действительно, эскиз был неплох. Быть может, с точки зрения настоящих художников, немного простоват, но для сыска, как словесный портрет, исполнен точно. Нарисованную барышню можно узнать, если встретить ненароком. Пушкин не стал благодарить за комплимент, чтобы с него не запросили лишнего, и сообщил, что ему понадобится пять, нет, четыре рамки.

Приказчик спросил, в каком стиле господин желает получить работу: ампир, барокко, официальном, купеческом, русском резном, в золоте, в патине, в серебре – багет имелся на любой вкус. Вопрос оказался затруднительным: Пушкин не умел выбирать багет. Он попросил что-нибудь сдержанное и скромное. Приказчик прекрасно понял вкус заказчика и показал образец. Образец был одобрен. Перекинув костяшки на счетах, приказчик назвал, с учетом уступки первому клиенту в году и глубокого уважения, двенадцать рублей за все. Пушкин знал, что его надуют бессовестно и беспощадно. Но торговаться с приказчиком было тоскливо. Он заплатил шесть рублей задатка, почти все, что было в кошельке, и просил изготовить как

можно быстрее. Ему было обещано, что мастерская расстается в два дня. Куда доставить заказ? Проще всего было бы назвать полицейский дом. Но Пушкину не хотелось, чтобы чиновники совали нос, а они сунут, без сомнений, что это за картины ему доставлены. Он сказал, что изволит зайти сам, и попросил нож, чтобы удалить листы из блокнота. Приказчик достал из-под прилавка резак для бумаги с тонким лезвием. Недрогнувшей рукой Пушкин отделил от блокнота четыре страницы. Приказчик принял рисунки и смотрел на них с искренним интересом.

– Какие прелестные барышни, – сказал он, одобрительно кивая. – Чувствуется порода и воспитание... Ваши родственницы?

– Кузины, – ответил Пушкин, чтобы не вдаваться в подробности. Как бы удивился приказчик, если бы узнал, кто на самом деле эти милые создания. Вернее, создание.

Он терпеливо выслушал еще комплименты рисункам, напомнил приказчику обязательно сделать за два дня и вышел на улицу. Вот теперь пора появиться на службе.

Пушкин шел, глядя под ноги. Что было не только следствием задумчивости, но и нежеланием проделывать кульбит на льду. Снег на тротуарах смерзся в скользкую корку, а дворникам не до ведер с песком на Святки. Около самого полицейского дома перед ним что-то мелькнуло. Пушкин поднял взгляд, но рядом никого не было. Лишь позади торопливо удалялась женская фигура. Что-то в ней показалось знакомым. Наверняка показалось. Пушкин дал себе слово не путаться бесполезными фантазиями и заняться наконец службой. Хоть и опостылевшей. У входной двери он ощутил в кармане пальто нечто постороннее. Засунув руку, обнаружил продолговатый сверток яркой бумаги, перетянутый накрест бантиком.

– Тетя! – сказал себе Пушкин. Обожаемая родственница любила такие милые розыгрыши: подарить книгу, а главный подарок тихо сунуть в карман. Пушкин вернул его обратно. Наверняка милая безделушка.

5

В большом кабинете обер-полицмейстера было не протолкнуться. Для чего понадобился такой большой сбор, оставалось загадкой. Немного тревожной. Эфенбаху, как невольно опоздавшему, нашлось место у стены. Что было не так уж и плохо. Неизвестно, в каком расположении духа пребывает начальник московской полиции. При любой неизвестности разумнее держаться от него подальше. Михаил Аркадьевич старательно загородился спинами присутствующих.

Воля обер-полицмейстера пригнала приставов всех участков. От сапог и кожаных ремней, собранных в таком изобилии, воздух приобрел излишнюю крепость. Витавший дух во многом укреплялся последствиями праздников, каким каждый пристав был не чужд. По чести, дышать было невозможно. Открыть задренное на зиму окно никто бы не решился.

Хозяин кабинета полковник Власовский вошел решительным шагом. При его появлении приставы встали, как один, по стойке смирно. Отчего произошло еще большее возмущение воздуха. Даже привыкший к запахам казармы обер-полицмейстер не смог вдохнуть сразу, так мощно разлился полицейский аромат. Он решительно махнул, чтоб приставы садились. После грохота стульев и сабельных ножен воцарилась тишина, какая подобает значительному моменту.

– Други мои, товарищи служивые! – начал Власовский с военно-драматической интонацией.

Этого Эфенбаху было достаточно, чтобы сделать вывод: ничего хорошего ожидать не следует. Обер-полицмейстера наверняка потянуло на спасение Москвы железным кулаком, что случалось довольно регулярно. Тогда вся полиция вставала на уши, искореня пороки, такие как лень дворников и грязь тротуаров, жадность извозчиков и обман пассажиров, пьяные

на улицах, продажа трактирщиками бражки из-под полы и тому подобное. Пороки искоренялись довольно-таки успешно. После чего, когда волна сходила, возвращались обратно. Но обер-полицмейстер считал, что в который раз очистил город. В войнах с пороками сыскной полиции тоже доставалась своя горькая доля.

– Это что же творится в Москве, нашей белокаменной матушке? – продолжал Власовский. Эфенбах невольно приготовился. – До чего докатились? Какие пороки расцвели буйным цветом и поглотили все под собою? Что слышим мы отовсюду? Мы слышим, как колеблются, как шатаются и дрожат нравственные устои нашего общества! Отныне терпеть сего вертепа не должно! Не имеем мы на это права, господа!

Оправдывались худшие ожидания. Кажется, обер-полицмейстер вот-вот объявит войну проституткам. А это будет та еще битва. С заранее известным концом. Но Власовский только набирал обороты.

– К нам взывают матери! В нас ищут защиты жены! Дети вздымают к нам ручонки, моля и стена: спасите отцов наших, братьев наших и дядьев! Весь город молит и вызывает о спасении!

Михаил Аркадьевич даже опечалился: ну точно начнутся облавы по улицам, чего доброго заставит лезть на Сухаревку и Хитровку. А результат: пшик. Ну поймают десяток безбилетных девиц, еще больше напугают бланковых¹⁹, а толку никакого. Как можно обуздать то, что заложено в самой природе мужчины и человека?

– Чего ждут от нас мирные жители? – не унимался Власовский. – Они ждут, что стальной рукой мы вырвем порочный корень заразы – карточную игру!

Это было нечто новое. Приставы переглядывались. Никогда еще обер-полицмейстер Москвы не начинал войну с этим врагом. Да и как с ним бороться?

Игра на деньги официально была разрешена только в Английском клубе (на Тверской в доме Шаблыкина), где собираются сливки московского общества, начиная с самого генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича. В других клубах – дворянском, немецком, русском охотничьем, врачей, велосипедистов, речном яхт-клубе и Московском купеческом собрании – игра формально запрещена. Да вот только клубы получают большую часть дохода не от членских взносов и буфета, а от штрафов, которые игроки платят за то, что садятся за ломберный стол. Причем столы никто и не думает прятать. Что с ними делать? Штурмом прикажете брать? А в частных домах, во дворцах, в особняках, где играют приятельские компании? Ломать двери, врываться и жечь карты?

По чести говоря, играла вся Москва. Чистые господа играли в вист и бостон. Купцы – в стуколку и польский банчок. Все, кто желал – в баккару и «тридцать одно», в «двадцать одно» и фараон, в реверси и креббедж, в флорентин и экарте. Дамы играли в мушку и рамс. Простой народ резался в «свои козыри», «навалку», «горку», «московку», «цыганку», «семь листов или носки», «фофаны», «чухны», «ерошки» и «бабочку». Играли все и везде. При нехватке иных развлечений карты были чуть ли не главным способом убить досуг.

Как это победить?!

Власовский еще только восходил к высотам борьбы за нравственность, а Эфенбах уже знал, чем кончится: будет налет на «мельницу» – воровской игорный дом на углу Цветного с Грачевкой и Малого Колосова переулка. Поймают десяток голодранцев, упекут за решетку, так как штраф им платить нечем, на том и закончится. Главное, чтобы сыску в этом не участвовать.

– Карты и азарт, ими побуждаемый, есть главный жупел безнравственности! – вещал обер-полицмейстер. – Гоните карты из Москвы нашей священной! Гоните этого врага, где

¹⁹ Бланковые – проститутки, имеющие паспорт (бланк) официального разрешения на промысел от Врачебно-санитарного комитета. Обязаны были регулярно проходить медицинский осмотр.

только сможете! Никакой пощады картам и картежникам! Очистим Белокаменную от карточного порока!

Приставы слушали, затаив дыхание. Каждый из них уже прикидывал, кого выбрать в жертву, чтобы не обвинили в лени и неисполнении борьбы за нравственность. Приставы хоть и полицейские, но ничто человеческое им не чуждо: и Святки отметить, и в картишки по маленькой поставить. Как же без этого.

Михаил Аркадьевич невольно отметил одну странность: отчего обер-полицмейстер так давит именно на карты? Отчего пылает такой ненавистью только к картам? Вопрос интересный. Ответы на него Эфенбах оставил на потом.

– Надеюсь на вас, господа офицеры и штатские, что отправитесь к себе в участки и, не откладывая, возьметесь чистить Москву от карт, – уже с меньшим жаром вещал Власовский, видимо, выдыхаясь. – Никого не жалейте, никого не выгораживайте, а хватайте и давите карточную нечисть везде, где сможете. Моя вам в том полная поддержка. Жду, господа, от вас докладов с результатами.

Величественным жестом обер-полицмейстер отпустил на вольный воздух и борьбу с картами. Приставы расходились вдохновенными, так сказать. Что же до Эфенбаха, то начальник сыска вдохновился так, что голова его раскалывалась. Как видно, от желания изгнать карты из Москвы. Но для начала он мечтал повстречать кое-кого в сыске...

6

Глинкин так спешил, что, не выбирая дороги, добежал до Столового переулка минут за пять. Арбатский полицейский дом, в котором размещался 1-й участок Арбатской части, имел в своем хозяйстве пожарную каланчу, пожарный гараж с водокачкой, двухэтажный флигель с приемной частью и кабинетом пристава, большую камеру для задержанных и одиночную, дровяной сарай, казарму для городских, медицинскую, мертвецкую (для тех, кому медицина окончательно помогла) и часовенку. В общем, все, чтобы содержать вверенную часть города в порядке. А не в беспорядке, так сказать.

В приемной части находился помощник пристава подпоручик Трашантый, Никодим Михеевич. Занят он был тем, что с хрустом и брызгами колот сахар. Запыхавшегося почтальона встретил умиротворенным взглядом.

– Что, Павлуша, прибежал, будто почта сгорела? – сказал и сам засмеялся шутке.

– Почта, слава богу, цела, а в доме на Большой Молчановке не открывают.

Кусок сахара разлетелся на обломки. Трашантый смел их в ладонь и отправил в стакан с жидковатым чаем.

– Тоже мне, печаль. Чего всполошился?

– Так ведь дома должна быть...

– Должна! – передразнил он почтальона. – Уехали на Святки к родственникам.

– Не может она уехать, некуда ей, дома должна быть, письма вот ей присланы. – И Глинкин хлопнул по сумке.

Трашантый, уютно отхлебнув чайку, сожмурил глаз:

– Да ты откуда знаешь?

Тут почтальон сообразил, что в спешке забыл сказать главное.

– Анна Васильевна лет пять никуда не ездит, – сказал он. – Сами знаете.

Стакан завис в воздухе и вернулся на стол.

– Анна Васильевна? – переспросил Трашантый.

Почтальон подтвердил: она.

Эту жительницу участка помощник пристава знал прекрасно. Вернее, пристав водил с ней дружеские отношения. Она была далеко не самой богатой дамой, но никогда не забы-

вала преподнести приятный подарок на Рождество и Пасху. Частенько пристав спрашивал ее совета по каким-то особым делам. Такую даму нельзя обойти вниманием. Трашантый потребовал пояснить, что стряслось. Глинкин еще раз повторил: стучал-стучал, не открывает. Даже дворник пробовал. Дело выходило не лучшим образом. Дама пожилая, вдруг сердце прихватило, ей помощь требуется.

– Что же делать? – спросил поручик, как будто не он был полицией.

– Проверить бы, вдруг напасть какая, – предложил Глинкин.

– Да не могу я сам, господина пристава на совещание к обер-полицмейстеру вызвали...

Как я без его дозволения...

– А вдруг, бедная, лежит там и умирает без помощи? Что тогда пристав скажет?

Аргумент подействовал. Отставив чай, Трашантый надел форменную шинель, мерлушковую шапку с гербом Москвы, нацепил португезу и крикнул старшему городовому, гревшему у печки, чтобы остался в участке за старшего.

...Около дома с эркером было удивительно чисто. Дворник умудрился раскидать сугробы. И встретил помощника пристава, не только с поклоном содрал шапку, но и с более чем осмысленным видом. Минув ворота, Трашантый взбежал на крыльцо. И тут запал его иссяк. Он оглянулся на почтальона.

– Чего ждете-то? – спросил Глинкин, тем ободряя.

Подпоручик дернул за веревку звонка, постучал в дверь, крикнул в замочную скважину. Никакого ответа. Он приказал дворнику, державшемуся на всякий случай подальше, у ворот, принести топор.

Прокопий вернулся шустро, будто на крыльях. Взяв за рукоять, Трашантый примерился, куда бы нанести удар. Он знал, что дверь топором вскрывают, но сам этого никогда не делал.

– Господин подпоручик, вы замочек ковырните, – вовремя посоветовал Глинкин.

– Сам знаю, – буркнул Трашантый и воткнул топор в дверную щель. Потребовалось крепко нажать, чтобы замок крякнул, выворачивая за собой щепки. Помощник пристава отбросил топор и отер руки о полу шинели. Он явно робел.

– Не тяните уже! – не вытерпел почтальон.

Цыкнув на него, Трашантый собрался с духом и распахнул дверь. Сунувшись в прихожую, первым делом громко позвал хозяйку и, не получив ответа, пошел дальше.

– Осмотрительный его благородие, – сказал Прокопий, подойдя к почтальону.

Им жуть как хотелось заглянуть в дверной проем, прикрытый волнами портьеры. Любопытство так и распирало. Но соваться за полицией не посмели. Нагоняй схлопотать недолго. Только они обменялись мнением, что подпоручик что-то задерживается, как Трашантый выскочил на крыльцо, махнул мимо ворот и на улице что есть мочи дал в полицейский свисток несколько раз подряд двойную трель, чтобы его слышали с ближайших постов городовые и прибежали по тревоге.

– Твое ж в колено, – пробормотал дворник, морщась.

Глинкин промолчал, но был целиком согласен: уж попал в переделку, так попал. А все пунктуальность проклятая.

7

Пушкин только успел поздороваться с Лелюхиным и Актаевым, кивнуть Кирьякову, который строчил под диктовку дородного господина, и выложить на стол оба подарка, как в приемное отделение влетел начальник сыска, молнии подобный. Заметив Пушкина, он выставил на него указательный палец и угрожающе произнес: «Ага-гашеньки-га-га!» Как будто этот самый Пушкин собирался спрятаться под стол или залезть на шкаф. Никакого подобного без-

образия вышеозначенный чиновник Пушкин не произвел. Напротив, довольно сдержанно произнес:

– Доброе утро, господин статский советник!

Эфенбах фыркнул не хуже загнанной лошади.

– Пушкин! Раздражайший мой! Явился, сокол *быстролетный*! Марш ко мне в кабинет! Все! Все! – изрек он на повышенных тонах. И, не дожидаясь, улетел сам.

Голова Михаила Аркадьевича раскалывалась. Терпеть больше не мог. Невзирая на чиновников, занимавших места, налил шустовского и, для приличия отвернувшись, закинул в себя из граненой рюмки. После чего медленно выдохнул, ощущая, как облегчение растекается по организму. Ему стало так хорошо, что расхотелось бранить ленивого подчиненного. Если бы только ленивого! Давно бы выгнал в шею. При всей внешней фееричности, Эфенбах был умным и проницательным человеком. Иначе не сделал бы карьеру в полиции. Он прекрасно знал, без кого нельзя обойтись в сыске и кто в самых трудных делах найдет решение. К сожалению, эти бесценные качества собрались в одном ленивце.

Поместив тело в кресло, Эфенбах направил пронзительный, как должно было казаться, взгляд в край стола, за которым расселись его чиновники.

– Пушкин! – провозгласил он излишне восторженно. – Алексей! Есть в каком затаенном месте ваша совесть? Есть она или где?

Пушкин и глазом не моргнул.

– Совесть – понятие ненаучное. Не подлежит вычислению, – ответил он.

– Ах, так вот оно как! – воскликнул Эфенбах, ища поддержки у подчиненных. – В то время как мы, не считая сил и мыслей, трудимся над сворой дел, вы, раздражайший мой, изволите сны давить...

Кирияков усиленно кивнул, поддерживая порыв начальника.

– Я докладывал вам расчет отрезков дня, когда вероятно наступление событий, – сказал Пушкин. – Исходя из статистической закономерности. И теории вероятности. Тогда имеет смысл приходить на службу. Сидеть с утра пораньше не вижу смысла.

– Это мы бездельничаем? – обиделся Михаил Аркадьевич, потому что ему совсем расхотелось устраивать побоище. – А вот Кирияков уже отнял заявление от купца Икалова.

– Икова, – поправил Кирияков.

– Да, чтоб его! Что скажете, Пушкин?

– Не дело, а наверняка жалоба, – сказал Пушкин, разглядывая стену фотографий за спиной Эфенбаха. – Было бы дело, Леонид Андреевич спихнул бы его Акаеву или Лелюхину.

Кирияков выразительно насупился.

– Это даже обидно... – начал он, но был остановлен взмахом руки начальника.

Не хватало еще свару чиновников разнимать.

Эфенбах пребывал в задумчивости. Все ждали, чем это кончится.

– Как соловья ни корми, а волком завоешь, – наконец изрек Михаил Аркадьевич, глянув на свое воинство. – Нам объявили войну...

– Что?! Опять турки? – поразился Лелюхин...

– Какие турки! Не нам... то есть... но мы... объявили войну!

– Кому, туркам?!

– Да что вам, Василий Яковлевич, турки сделали? Оставьте их на покое!.. Хуже, господа, хуже, будем мы воевать за нравственность!

– Что, опять девок с бульвара гонять? – взвился Лелюхин. – Увольте, сыт уже, прошу покорно...

Надо сказать, что в последнюю войну за нравственность, которую обер-полицмейстер затевал сразу после праздников, Лелюхин был на переднем крае. После чего ходил с пластырем на лице.

Эфенбах погрозил ему пальцем.

– Карты, раздражайшие мои, каленым железом выметать будем...

Кирияков издал невольный свист: дескать, ну, приехали...

Лелюхин, как человек куда более опытный и приземленный, знал, что в таких неприятностях надо подходить с предметной стороны.

– Кого прикажете выметать, Михаил Аркадьевич? – спросил он, подразумевая, что список игорных мест прекрасно известен. Тем более что каждый чиновник сыска в них навевался. За исключением Пушкина. Все знали, что садиться с ним за стол или пускать его за сукно нельзя: обыгрывал безо всякого шулерства, считая карты. Все-таки математическое образование имеет внезапную полезность. А могло бы стать твердым заработком. Только Пушкин был к картам равнодушен.

– Может, подождать и само обойдется? – спросил Актаев. И засмутился. На молодого чиновника глянули с укоризной: не понимает, что такое начальственное объявление войны. Тут как хочешь, а подай жертвы.

Началось бурное обсуждение, кого выбрать, чтобы не обиделись и не перестали пускать играть. Пушкин не принимал участия в дискуссии, откровенно зевая. Спор был жарким. Каждый из чиновников предлагал место, в котором проигрался. Эфенбаха не устраивало ни одно. Как вдруг Кирияков попросил внимания.

– Господа, а что, если нам накрыть рулетку?

Мысль была столь свежа, что все задумались. Даже Пушкин, который представил, что тетушка обидится смертельно, не испытал забытое волнение игры. Но промолчал.

– В *просачок* попал, раздражайший мой, – наконец сказал Эфенбах. – Настрого велено картишки извести. И никак иначе.

Спор начался с прежней силой. Пушкин пожалел, что так рано пришел на службу. Но тут в дверь робко постучали. Эфенбах, всегда чутко слышащий, что происходит, крикнул, чтобы входили.

Дыша морозом и туманами, вырос городовой. Приняв стойку смирно, он передал вызов 1-го участка Арбатской части прислать кого-нибудь от сыска. Лично проводит на место происшествия.

Пушкин взглянул на каминные часы, что мерзли у Эфенбаха на подоконнике: статистика не подвела. Наступил «преступный час». Теория вероятности непобедима.

Он встал.

– Михаил Аркадьевич, позвольте приму дело?

Не хотел Эфенбах отпускать Пушкина, в присутствии которого ему было как-то спокойно, на первое дело в году, но отправлять Лелюхина или Кириякова, а тем более Актаева, и подавно нельзя. Начальник сыска знал: как проведешь первое дело, так и будет. Весь год. А надо бы, чтобы было хорошо. И он дал позволение.

Пушкин спросил городового: по какому адресу происшествие? Оказалось, почти рядом, на Большой Молчановке. Легче пешком дойти.

8

Кто сказал, что мороз вреден женщинам? Дама была так румяна, так свежа, так озорна, что нельзя было не оглянуться ей вслед. Все оглядывались. Мужчины, разумеется. Дамы тоже, но с иным затаенным намерением – разгадать, что в ней такого, привлекающего внимание. Ни беличья шапочка, ни беличий полушубок, ни муфта, ни теплая юбка английской шерсти не были чем-то особенным, чего нельзя найти в модных магазинах на Кузнецком Мосту. Фигурка ее была довольно мила, но строгий ценитель нашел бы в ней недочеты. Лицо миленькое, да только милыми барышнями Москву не удивишь, своих девать некуда, замуж не выдать.

Что же притягивало к ней взгляды? Она пролетала так быстро, что прочим дамам на Тверской улице оставалось одно объяснение: наверняка французенка, умеют они, парижанки всякие, выпускать невидимую пыльцу вроде волшебной. Простая мысль, что барышня, хоть и приезжая, это сразу заметно, счастлива московским морозцем, солнечным утром и вообще святочной Москвой, так что счастье светится в ней магнетизмом, никому не приходила на ум.

Оставляя шлейф взглядов до самого конца улицы, дама вошла в гостиницу «Лоскутную», возвышавшуюся над Тверской и Лоскутным переулком затейливым резным ларцом, будто выпрыгнувшим из русской сказки. С фигурными наличниками на окнах, с коньками на крыше, покрытой разноцветными плашками «в шашечку», с чугунными колоннами у входа, державшими чугунный балкон во весь этаж. Главный, угловой корпус из особого красного кирпича с вставками рисованных изразцов. Гостиница была старой, уютной, добронравной, но совсем не дешевой, далеко не каждому по карману. Оно и понятно: в двух шагах от Красной площади, где открыли Верхние торговые ряды²⁰. Удобно за покупками ходить.

Между тем дама оставила шубку в гардеробе ресторана и вошла в зал. Ресторан «Лоскутной» давно соперничал с рестораном «Славянского базара». Пока в соревновании побеждал последний. Постояльцы гостиницы, конечно, спускались из номеров, а сторонних гостей за столиками было немного. Официант подошел к ней, поздоровался, назвав мадемуазель Бланш, и усадил за столик, какой предпочитала. Она выбирала место, с которого видела всех, оставаясь не слишком заметной. Привлекать всеобщее внимание ей не всегда было нужно. Официант принял заказ на легкий завтрак и обещал вернуться стремительно.

Бланш огляделась. И сразу заметила нечто странное. По проходу между столиков двигалась барышня в вульгарном платье с неприлично большим для утра декольте, с густо наведенными бровями и яркой помадой. Вид канарейки должен привлекать внимание. Чего она наверняка добивалась. Редкие посетители удостаивали ее взглядом, но и не более. Канарейка остановилась около столика, за которым завтракали две барышни, и стала вертеть головой, как будто потерялась или ищет кого-то. Видимо, не найдя знакомого, быстрым шагом двинулась к гардеробу.

Бланш оказалась там чуть раньше. Двинувшись наперерез Канарейке, резким движением ударила ее по кисти руки и подхватила выпавший ридикюль. От боли и удивления Канарейка выпучила глаза, но Бланш прошла мимо, головы не повернув. Как будто разукрашенная девица презрения не стоила. Не раскрывая, она ощупала быстро содержимое: платочек, ключ от номера, две бумажки, наверняка купюры, крохотный блокнотик барышни, аптечный пузырек с каплями. Все самое необходимое.

Войдя в зал, Бланш направилась к столику, за которым завтракали девушки. Одна из них уже заглядывала под стол и вокруг стула, на котором сидела.

– Мадемуазель, это не вы обронули? – сказал Бланш, протягивая ридикюль.

Барышня поспешно встала.

– Благодарю вас, мадам. – Она взяла ридикюль, как великую драгоценность. – Не понимаю, куда он делся.

– Присоединяюсь к благодарности, – сказала ее спутница, оставаясь за столом.

– Не стоит благодарить, мои милые... Будьте внимательны с вещами. В Москве может всякое случиться, – сказала Бланш и чуть сощурилась, как будто плохо видела. – Позвольте, так я вас знаю... Вы же были на рулетке прошлой ночью? А ну, признавайтесь, очаровательные проказницы!

Барышни переглянулись, обменявшись одним им ведомым знаком, и засмеялись.

– Только не выдавайте нас, – попросила та, что оставалась за столом.

²⁰ В советское время переименованы в ГУМ.

– И в мыслях нет, милые! У каждой мадемуазель должен быть свой маленький секретик. Так давайте знакомиться и дружить! – Бланш протянула им руки.

Барышни были счастливы найти новую знакомую. Тем более такую милую и эффектную даму. И даже не слишком старую. Хотя, конечно, три-четыре года разницы для юной барышни, тем более незамужней, – огромный срок. Как вечность.

Бланш первой назвала себя, признав, что гостит в Москве без особых причин, остановившись в «Лоскутной». Настал черед подруг.

Настасья Андреевна Тимашева представилась дочерью тверского помещика. Бланш оценила ее модное и дорогое платье явно заграничного пошива: светлое, с кустовыми розочками по полю и пышными воланами на плечиках. У подруги, прозевавшей ридикюль, платье было куда проще, черное, но тоже от хорошей модистки. Она скромно назвала себя Прасковьей. Девушки были свежи, от них веяло молодостью и заграничным флером, не успевшим замерзнуть российской зимой. Бланш сразу поняла, кто хозяйка, а кто компаньонка, если не прислуга. Это так просто: одна держит спину прямо, другая скромно опускает глаза. У Настасьи сделана утренняя прическа, Прасковья туго стянула волосы в косичку. Да и характеры совсем разные: у одной повелительный, у другой покоряемый. Такие еще дети, что их можно читать, как открытую книгу.

Завязался милый дамский разговор ни о чем. Настасья рассказала, что вынуждена возвращаться домой, чего ей совсем не хочется. А в Москве они проездом с разрешения папеньки. Чтобы отпраздновать Святки в столице, а потом уж окунуться в грусть и скуку провинции. Бланш подумала, что для Настасьи это, быть может, последний глоток свободы: папенька наверняка уже заготовил женишка, сына соседнего помещика.

– А что вы делали на рулетке? – спросила она, подмигнув.

Настасья взглянула на Прасковью, будто давая ей слово.

– Будучи в Висбадене, заходили иногда в казино, – начала она не совсем уверенно. – Конечно, вместе с дядюшкой, пока он был жив...

– Да, мы путешествовали с моим дядей, – поправила Настасья.

– Наблюдали за игрой... Нам стало любопытно, как устроена рулетка в Москве...

– Кажется, вы делали ставки? – обратилась Бланш к ней.

Прасковья совсем потупилась.

– Да... Совсем немного... Я проиграла...

Бланш погладила ее по руке.

– В этом нет ничего страшного. Если чуть-чуть. А вы, Настасья, отчего не ставили?

Барышня улыбнулась.

– Мне нельзя.

– Нельзя играть на рулетке? – удивилась Бланш. – Разве какая болезнь запрещает?

– Дала слово папеньке никогда не играть...

Бланш изобразила удивление.

– О, как это прекрасно, Настасья! Барышня в таком юном возрасте – и умеет справляться с эмоциями. Завидую вам, моя дорогая...

Настасья была так довольна комплиментом, что покраснела.

– Но ведь желание сильно?

– Слово Тимашевой сильнее, – гордо ответила Настасья, чем окончательно сразила Бланш. – Довольствуюсь тем, что смотрю за игрой Прасковьи. Мне достаточно такого волнения игры.

– Вы редкая, изумительная девушка! – только и могла сказать Бланш. – Примите мои поздравления... Знаете что? Предлагаю мою компанию сегодня вечером. Позволим себе маленькую шалость на рулетке. Вы не против?

Настасья с восторгом приняла предложение. Договорились, что Бланш зайдет за ними в номер, чтобы поехать вместе. Ближе к девяти вечера. Прасковья покорно молчала.

9

Городовой проводил до одноэтажного дома в шесть окон с мезонином и остался у ворот в компании товарища из участка. Пушкин поднялся на невысокое крыльцо и зашел в прихожую. Там ощущался запах, который невозможно ни с чем спутать. Морозный воздух, что напустила полиция, не смог его выстудить.

– Пушкин? А вы что здесь делаете? – раздался не слишком приветливый голос.

Перегораживая проход в большую гостиную, пристав Нефедьев не считал нужным скрывать, что гостю вовсе не рад. Откуда высунулся его помощник Трашантый.

– Простите, Игорь Львович, я сыск вызвал... Без вас немного растерялся.

Нефедьев поморщился: не успел еще совещание у обер-полицмейстера переварить, а тут новая закавыка.

– Тогда сам перед господином Пушкиным оправдывайся, – заявил он.

Подпоручик начал лепетать извинения за пустое беспокойство, но Пушкин их прервал.

– Вызов сделан, на место происшествия прибыл, вводите в обстоятельства, – потребовал он. Совсем не из желания заниматься пустяковым делом. С большим удовольствием он бы поленился. Пушкину совсем не хотелось возвращаться в Гнездиковский, где строилась планы войны с картами, что могло занять весь день. А так был законный повод отсутствовать. Да, математика наука честная, но хитрить по-умному учит. Только знать об этом не полагается никому.

Пристав только рукой махнул: раз желаете тратить время зря – ваше дело. Мешать не посмеем. Хотя не счел нужным посторониться. Пушкину была видна часть гостиной. Он спросил, что случилось.

– Анна Васильевна наша скончалась, – ответил Нефедьев. Намекая, что сыску тут делать нечего.

Пушкин не имел чести знать Анну Васильевну. Мало ли Анн Васильевн в Москве водится. Всех не сосчитать.

– Терновская Анна Васильевна, – сказал пристав таким тоном, будто не знать эту даму было верхом неприличия.

Приличия порой чужды сыску. Все еще сдерживаемый в прихожей, что пристава не смущало, Пушкин попросил рассказать о погибшей.

– Наша милая Анна Васильевна, такая мудрая и рассудительная, добрая, отзывчивая, жила в своем доме, вот в этом, где и скончалась, – повторил Нефедьев вердикт, коварное слово «погибшая» игнорируя. – Чудесная была женщина. Нам будет ее не хватать. Чистая душа...

Если пристав с такой теплотой отзывается о почившей даме, то не надо питать иллюзий, что между ними были дела сердечные. Хотя нельзя исключать. Скорее всего, Нефедьева печалит потеря коммерческой выгоды, какую приносят приставу местные купцы. Вот только по размеру дома и виду прихожей трудно предположить, что Терновская была купчихой.

– Имела торговлю или домовладение? – спросил Пушкин.

– Нет, жила с капиталом.

Московских рантье, которых становилось все больше, приставы еще не научились «обстригать». Неужели в самом деле Нефедьев к ней не равнодушен?

Пушкину надоело, что его держат в прихожей, как посыльного, он попросил пройти. Нефедьев подвинулся с большой неохотой.

В гостиной замерло время. Именно так обставлять квартиру диктовала мода шестидесятых годов. Много плюша, много горшков с цветами, вышитые салфетки, тяжелые шторы

на окнах, массивный буфет размером с домик путевого смотрителя, множество фотографий и картин на стенах. Пушкин невольно обратил внимание на старый багет рам. Из общего стиля выделялся новый рабочий столик с многоярусной этажеркой, отделения которой были плотно забиты бумагой и конвертами. Причем из них торчали разноцветные закладки. Как в системном каталоге библиотеки.

Посреди гостиной, на ковре, в котором с трудом можно узнать персидское плетение, стоял круглый обеденный стол, покрытый чистой скатертью. На нем стояли чайный набор и небольшой, на два чайника, серебряный самовар.

Люстра, давно завязанная в кокон беленой холстиной. В середине стола – массивный подсвечник на пять свечей, оплывших до огарков и по виду напоминавших жирные ватрушки. За столом – четыре стула старой московской работы. Два плотно задвинуты под стол, один повернут к нему спиной. На последнем располагалась дама. Голова ее была закинута назад так, что лицо смотрело в потолок.

Из вежливости, какая и сыску не чужда, Пушкин спросил разрешения осмотреть. Трашантый, занятый описанием места, предоставил полную свободу. Ему хватало походной конторки. Пристав сменил диспозицию, оперся о дверной косяк, наблюдая за тем, как чиновник сует нос куда не следует.

Демонстративно заложив руки за спину, Пушкин подошел к жертве, как он упрямо, но про себя называл тело. Глаза Терновской были открыты. Лицо замерло в спокойствии. Только рот широко раскрыт. На вид ей было не менее пятидесяти лет. Дама, так почитаемая приставом, имела дурной, почти нездоровый цвет кожи, плохо уложенную прическу. Черты лица ее были скорее грубыми, простоватыми, а сама она явно страдала ожирением. То есть была чрезвычайно массивной дамой. Что в Москве не считается недостатком.

Пушкин обошел стул и встал с другой стороны. Отсюда было видно, что голова немного повернута к левому плечу, а левая рука свободно свешивается до пола. Рядом с ближней ножкой стула лежала чайная чашечка. Кузнецовский фарфор не выдержал удара об пол и раскололся.

Пристав никак не хотел идти на зов сыска, пока Пушкин настоятельно не попросил пояснить одну мелочь. Всем видом показывая, что ему это не нужно, Нефедьев подошел к мертвому телу. Уже заранее готовясь отбивать любые мелочи.

– Дом был заперт? – последовал вопрос.

Пристав признал незыблемый факт.

– Терновская жила одна?

И это невозможно было отрицать.

– Почему на столе две чашки и вазочки с вареньем?

Нефедьев хотел было с ходу объяснить этот простейший факт, но у него не вышло. Он только пробурчал что-то невнятное.

– У нее кто-то был накануне смерти, – не спросил, а припечатал Пушкин.

– Если и был, то ушел. Дверь-то она сама закрыла...

– Откуда вам это известно?

– Так ведь дверь Трашантый взломал! – возмутился Нефедьев.

– Откуда известно, что дверь закрыла Терновская? Был ключ с обратной стороны?

Вопрос сильно не понравился приставу. Не до двери было, когда умершую нашли, ясно же должно быть. Что Нефедьев напрямик и высказал.

Пушкин не поленился сходить в прихожую и проверить. Вернувшись, он сообщил, что ключа в замочной скважине нет.

– Так сунула куда-нибудь, – поспешил пристав, чтобы не получить вопрос: «Где ключ?»

– Ключ искали? – спросил Пушкин.

В ответ получил сопение Нефедьева и его помощника. Значит, не искали.

– Сделаем предположение, что ключ забрал тот, кто запер дверь...

Вот тут уж пристав не спустил.

– Не надо такого предполагать, – строго потребовал он. – Доктор наш участковый осмотрел тело и сделал окончательный вывод: естественная смерть.

– Какую причину поставил доктор, не произведя осмотр тела?

Вопрос совсем разозлил пристава. Потому что был правдой: доктор Преображенский заявился, глянул и сообщил, что дама умерла от ожирения сердца. С таким весом и в таких годах дело обычное. Съела на праздники лишнего – и готово. Нефедьеву пришлось заявить, что доктор знал покойную давно, а его заключение верное, потому что правильное.

– Время смерти поставлено – более суток назад? – спросил Пушкин, чтобы не давить на мозоль.

– Именно так. В ночь на первое января... Вам откуда известно?

– Свечи догорели до конца. Тот, кто уходил из дома, не погасил их.

– Да с чего вы взяли, что у нее кто-то был? – не сдавался пристав.

– Игорь Львович, в таком случае поясните мне другую странность: чашка Терновской стоит перед ней. Почему другая чашка, разбитая, у ножки ее стула? Если она закрыла дверь сама, неужели оставила битое стекло? Квартира говорит, что Терновская держалась порядка.

Нефедьев глянул на разбитую чашку, на Трашантого, который замер над походной конторкой, и не нашелся, что ответить. Зато наверняка теперь знал, что нельзя было сыск подпускать. Простое дело начало принимать дурной оборот.

– Может, Анна Васильевна взяла чашку, ей стало плохо, вот чашка из рук и выскользнула...

Трашантый поддержал догадливость пристава одобрительным хмыканьем.

– Нет, не могла.

– Вам-то откуда знать?

– Если бы Терновская выронила чашку, она бы не разбилась: слишком низко. Об этом говорит положение руки. Да и чашка разбита немного дальше, чем должна была...

Пристав уже плохо сдерживал раздражение: да какие руки, чашки, огарки? Все ясно как белый день...

– Что вы хотите сказать, господин Пушкин?

– Я – ничего. Факты говорят, что смерть эта мало похожа на естественную.

– А на какую же?! – воскликнул Нефедьев. – Убили, что ли, по-вашему? Да кому это нужно! Анна Васильевна – милейшая женщина, мухи не обидит. Ну допустим, кто-то хотел лишить ее жизни. Так подкарауль в саду, тюкни по голове, и конец даме... Никаких следов, никаких разбитых чашек... Что же, думаете, отравили, что ли?

Пушкин понюхал чашку, оставшуюся на столе. Чайный осадок с чайнками почти высох. Немногие, очень немногие яды оставляют характерный запах. Чашка пахла чаем. Определить без химической экспертизы, было ли в ней что-то еще, кроме танина, невозможно. И вскрытия тела, конечно. Что Пушкин предложил приставу. И получил решительный отказ: нет существенных причин вскрывать Анну Васильевну. Нефедьев мог бы еще добавить: раз не убийство, то дело ведет участок, и соваться сыску с советами незачем. Такой аргумент он приберет на крайний случай.

Упертость пристава не сильно удивляла. Зачем участку лишнее убийство? Совершенно незачем. Эту нехитрую логику Пушкин давно выучил. Вот только у него не было серьезной улики, чтобы заставить сделать по-своему. Он еще раз глянул на разбитую посуду и присел перед телом на корточки.

Пристав категорически не понял, что вытворяет чиновник сыска. А Пушкин разглядывал платье чуть ниже левой груди Терновской.

– Господин Нефедьев, прошу взглянуть сюда...

Скорее заинтригованный, чем напуганный, пристав присел рядом с ним. Указательный палец Пушкина направлял его взгляд.

– Видите?

По чести, Игорь Львович не видел ничего.

– Смотрите внимательно на платье – коричневое пятно на нем скрывается.

Стоило немного напрячь зрение, как пристав заметил: на материале расплылось крохотное бурое пятнышко. Вокруг еле заметной рваной дырочки. Как раз в области сердца.

– Это что же такое? – вырвалось у него.

Пушкин поднялся и отряхнул руки, будто запачкался.

– Должно установить вскрытие, – сказал он. – Дело переводится в разряд насильственной смерти.

Что означало не только начало проблем пристава, но и юрисдикцию сыска. Теперь от него вот так запросто не отмахнешься.

– С протоколом как быть? – спросил Трашантый, глубоко печальный. Помощник знал, что теперь пристав с него спросит за вызов сыска.

– Оформляйте новый, по месту совершенного преступления, – ответил Пушкин. – Заодно поищите ключ от дома, господин подпоручик... А кто тело нашел?

Уязвленный Нефедьев отвечать не желал. Пришлось отдуваться Трашантому.

– Почтальон тревогу поднял, Анна Васильевна ему не открыла.

– Где его найти?

– Сидит в участке, – застенчиво сказал подпоручик. – Я его на всякий случай с городовым под арест отправил.

Похвалив столь полезное усердие, Пушкин обернулся к приставу.

– Игорь Львович, дозволите свидетеля в участке допросить или в сыскную вести?

Выбора не осталось. Уж лучше пусть под присмотром допрос будет. Еще наплетет почтальон неизвестно что... Пристав пригласил Пушкина в Арбатский дом. Без радушия, но уж как есть...

10

Воздух был чист и свеж, как ее мысли. Мадемуазель Бланш вышла из «Лоскутной» в чудесном настроении. Новые знакомые, милые девочки, казались беззащитными перед опасностями большого города. Надо не иметь сердца, чтобы не опекать их и не присмотреть за их шалостями на рулетке. Сердце у мадемуазель Бланш было. И в нем уже созрел план, который она видела во всех подробностях.

Для успеха плана нужно было устроить небольшой маскарад, чтобы произвести нужный эффект. Она выбирала, в каком образе предстать: убогой старушки или негрityнки – или выдумать нечто совсем неожиданное. Ей хотелось, чтобы человек, ради которого затевается игра, по-настоящему удивился. Поменять платье и прическу – бесполезно. Он узнает в кокошнике или под маской. Нужно совсем измениться, чтобы шалость удалась. Бланш подумала: а не предстать ли в мужском обличье? Но тут возникала сложность: с ее комплекцией сыграть купца с бородой будет тяжело – столько подушек придется навесить, а без бороды, модным денди с усами – наверняка будет раскрыта сразу.

И тут пришла замечательная мысль: переодеться в ямщика. Дескать, прислали по важному делу с санями. Грубый голос получится, а под бородой и зипуном узнать будет невозможно. Она уже представила, как объект розыгрыша садится, как она везет его на край Москвы, да хоть к «Яру», а там...

Там должно случиться веселое разоблачение и что-то хорошее, о чем она давно мечтала. Фантазия с ямщиком понравилась еще потому, что будет достойным ответом на одно происше-

ствие, которое Бланш простила, но забыть не могла. Происшествие, которое устроил ей почти две недели назад этот самовлюбленный господин. Ради которого она так старается.

Бланш стала думать, у кого в Ямской слободе лучше одолжить сани и одежду, как ее больно дернули за локоть. Она резко повернулась, чтобы ответить, но девица успела отскочить. Поверх платья нацепила овчинную шубку с шапочкой, на которой болталась вуаль и развевалось чье-то яркое перо.

– Ты кто такая будешь? – спросила она. Губы в красном зло кривились.

Бланш смирила ее беспощадно-женским взглядом.

– А тебе какая нужда, курица крашенная?

Девица плюнула под ноги.

– Я Катя Гузова, меня все знают, а ты что за краля?

– Мадемуазель Бланш, – ответила она, зная, что это легко выяснить у портье.

Гузова недобро ухмыльнулась.

– Ишь ты... Мадемуазель... Бланш... Сдается мне, что не такая ты, как себя показываешь... Музыку знаешь?²¹

Бланш вдохнула холодный чистый воздух Тверской.

– Чтоб ноги твоей, Катя, в «Лоскутной» не было. Пока я здесь...

Такой наглости Гузова стерпеть не могла, уперла руки в боки, как перед дракой. Дракой женской, кровавой и беспощадной. Где летят перья, букли и слезы.

– И как ты мне запретишь, тщедушная?

– Еще раз увижу, что в ресторане промышляешь, лохань порву²².

Тут уж Гузова заулыбалась.

– Вон как запела. Под мамзель наряжаешься, а, гляжу, нашенских кровей...

Бланш так резко шагнула к ней, что Гузова чуть не полетела в снег, попятившись.

– Ни ваша, ни наша, ничья, – тихо проговорила она. – Запомни это, Катя, и заруби на своем носике... Пока он цел.

Гузова невольно смахнула с носа морозную капельку.

– Жалостливая, что ль? – уже без вызова спросила она. – Дур этих пожалела, клеить²³ помешала...

– Совести у тебя, Катя, нет ни на грош. Они же дети, цыплята домашние. На кого руку подняла?

– У тебя-то совести, погляжу, целые закрома... Ладно, некогда мне с тобой лясы точить, такой сказ тебе будет: еще раз сунешься, запишут²⁴ тебя так, что охнуть не успеешь. Поняла, мамзель?

Девка наглая и самоуверенная. У нее наверняка есть дружок-покровитель с ножиком, у которого разговор короткий. Бланш это знала. Но помада на губах Кати горела так вызывающе, что удержаться было невозможно.

– Значит, будет другой сюрприз, – проговорила она.

И пока Гузова пыталась понять, чем ей угрожают, Бланш быстро шагнула к ней и нанесла короткий удар в известную точку под вздохом, от которого нет спасения. Был бы жулик²⁵, Кате пришел бы конец неминуемый. А так она не могла ни вздохнуть, ни охнуть, по-рыбьи таращила глаза и повалилась на руки Бланш. Удару этому, простому и коварному, обучил ее когда-то

²¹ Знать музыку – понимать воровской язык. (Здесь и ниже воровской жаргон.)

²² Порвать лохань – расцарапать лицо.

²³ Клеить – обворовать.

²⁴ Записать – порезать ножом.

²⁵ Жулик – нож.

давно тихий господин, имя которого она старательно забыла. Но не забыла прием. В который раз выручил на крутых поворотах жизни.

Было неудобно и тяжело, но мадемуазель сумела свистнуть так, что прибежал городской. Она что-то прошептала ему на ухо. После чего изумленный постовой принял у нее мягкое тело Кати и держал, пока Бланш не поймала извозчика. Городовой помог погрузить Гузову в пролетку и отправился вместе с ней, куда было сказано. Мужчинами, хоть в форме, хоть в статском, управлять Бланш умела.

11

Чувство глубокой обиды и бескрайней несправедливости переполняло Глинкина. Вместо того чтобы благодарность выразить, его, как преступника, под конвоем отправили в участок. И держат, словно арестанта. А писем половина адресов не дождалась. Думают, запил Глинкин, валяется в сугробе. Никто не поверит, что честный почтальон поплатился за щепетильность.

Обхватив сумку, Глинкин сидел на лавке для посетителей и даже отказался от чая, который ему по доброте душевной предложил городской. Почтальон решил, что рта не откроет, пока пристав лично перед ним не извинится.

Стоило только помянуть пристава, как он явился. Не один, с моложавым господином, которого Глинкин не знал. Господин этот подхватил венский стул, поставил напротив, уселся и снял шляпу. Нефедьев держался позади него.

– Господин Глинкин, – сказал Пушкин строго официальным тоном. – От имени сыскной полиции Москвы приношу вам благодарность за проявленную расторопность. Если бы не ваши старания, тело бедной мадам Терновской еще долго бы не нашли... Благодарю вас...

Глинкину протянул руку. От такого уважения властей почтальон воспрянул духом и крепко пожал протянутую ладонь. Чем пристав был крайне недоволен: подобного либерального заигрывания с народом не одобрял. Народ должен знать, что власть – это кнут и кулак. А более народу знать не полагается. Так было, так есть и так будет. На том стоит полицейское государство. Крепко стоит, не своротишь...

– Позвольте несколько вопросов по существу?

Теперь Глинкин готов был отвечать на любые вопросы, все одно график разноски безвозвратно погиб.

– Почему вы были уверены, что мадам Терновская дома?

– Как же иначе? – удивился почтальон. – Почитай, каждый день к ней захожу. В одно время по маршруту...

– Вчера заходили?

– Никак невозможно. Новый год, праздник, в почтово-телеграфной конторе день непростительный. Накопленную корреспонденцию сегодня разношу...

– Мадам Терновская много писем получает?

– Бывает, по три, а то и четыре за день. Да и сама корреспонденцию шлет. – Тут Глинкин осекся: не проболтаться бы про свой заработок.

Пушкин понял, что почтальон имеет небольшой интерес с этих писем: самый веский аргумент, чтобы поднять тревогу.

– Откуда она получала письма?

Почтальон уважительно присвистнул.

– Да уж множество мест. Из Лондона, из Парижа, даже из Нового Йорка в Америке. Также из европейских городов: Висбаден, Гамбург, Монте-Карло... Почитай, весь Всемирный почтовый союз. Таких марок навидался, доложу вам, редкая коллекция могла быть собрана...

– Сегодняшние письма при вас?

Глинкин выразительно похлопал по упитанному боку сумки.

– Здесь они, куда деться.

– Покажите...

Просьба была не так чтобы возможной. Глинкин покосился на пристава: дескать, как поступить, ваше благородие? В ответ получил равнодушную мину: делай как знаешь... Ничего не оставалось, как вынуть два письма. На одном адресом отправления значился Висбаден, на другом – княжество Монако. Глинкин уже протянул руку, чтобы получить их обратно, как вдруг Пушкин сорвал с конверта боковую полоску и вытряс содержимое.

Почтальон потерял дар речи. Да что же это за беззаконие... Что он теперь в конторе скажет, когда вернет недоставленные и вскрытые письма?

Пушкин раскрыл письмо. Все листки состояли из ровных столбцов цифр, написанных черными и красными чернилами. Пристав разглядывал их через плечо.

– Это что же такое, позвольте знать? – спросил он.

– К вам вопрос, господин Нефедьев, – ответил Пушкин, вскрывая другое письмо, пока Глинкин не опомнился; в нем оказались подобные записи. – Вы же с Анной Васильевной в дружеских отношениях. Доложите, чем она занималась, отчего получала из заграничных государств письма со столбиками цифр.

Тут пристав осенило, на что намекает чиновник сыска: уж не военный ли это шифр. Уж не шпионское ли послание?! Или революционерка? Выходит, проглядел у себя под носом такое, за что головы с погонами не сносить...

– Да нет, не может быть, чтоб Анна Васильевна... – начал он.

Пушкин сложил листки и с конвертами сунул Глинкину.

– Все может быть, господин пристав. Теория вероятности этого не отрицает...

– Господин Пушкин... Алексей Сергеевич... Вы уж не того, дорогой мой... – залепетал Нефедьев, вдруг обратившись в ягненка. Он понимал, что теперь жизнь его и карьера в руках этого непонятного человека. Говорят, он и подарков не берет, и не женат, и детей нет, из математиков в полицию пришел, к деньгам равнодушен, лентяй, каких свет не видывал. Как к такому подход найти, если, в самом деле, беда случилась...

– Мне надо вернуться в особняк, – сказал Пушкин, вставая и отходя стул.

– Конечно-конечно! Вас проводить? – заторопился пристав.

Про Глинкина, так и сидевшего с ошметками писем, совершенно забыли.

Почтальон пребывал в глухом недоумении. Как жить дальше, если у него на глазах полиция совершила святотатство: вскрыла корреспонденцию? Хотя ведь взрослый мужчина, должен знать, что в обеих столицах на почтамтах никуда не делись «черные кабинеты», в которых бережно вскрывают над паром и читают любые письма, кажущиеся подозрительными. Особенно из заграницы. Но такое уж свойство человека: одно дело слышать слухи, другое – увидеть собственными глазами.

Пушкин еще не успел нацепить шляпу, а в участок вошел молодежавый господин, одетый так, чтобы всем было ясно: мода для него не пустой звук, а смысл жизни. Невысокого роста, щуплый, с тончайшими усиками, походил он на начинающего жиголо. Брезгливо оглядев приемную часть, юноша спросил, где может видеть пристава. Нефедьев был тут как тут.

– Что вам угодно? – спросил вполне вежливо. – С кем имею честь?

– Позвольте представиться, Фудель Алексей Иванович, – сказал посетитель, снимая с поклоном наимоднейшую шляпу. – Племянник госпожи Терновской к вашим услугам...

Тут уж Пушкин снял шляпу, передумав уходить.

– Чем могу служить? – проговорил Нефедьев, поглядывая на чиновника сыска: дескать, правильно ли себя ведет?

– Дело деликатного характера, – ответил Фудель.

– Тогда прошу ко мне. – И пристав гостеприимно указал на лестницу.

Кабинет пристава 1-го участка Арбатской части, как и тридцать девять кабинетов других приставов Москвы, был обставлен под одну гребенку. Включая портреты царствующих особ над креслом у рабочего стола. Фудель здесь явно не понравилось. А особенно не понравилось, что за ними увязался некто в черном.

– Позволю напомнить: дело деликатное, – сказал он.

– Это господин Пушкин, наш добрый друг из сыскной полиции, – ласково сообщил пристав, не зная, может ли теперь сесть в свое кресло. – От него никаких секретов, а только помощь и участие.

Фудель пожал плечиками: раз вам так угодно...

– Так что стряслось-то? – напомнил Нефедьев.

Бросив шляпу на приставной столик, Фудель вальяжно уселся.

– Дело в том, господа, что я пришел просить защиты и охраны для моей тетушки Анны Васильевны.

– Что с ней случилось? – опережая пристава, спросил Пушкин.

– Представьте, в новогоднюю ночь выиграла невероятную сумму!

– Где же она выиграла? – не унимался Пушкин.

– Здесь, на Спиридоновской, на рулетке, – ответил Фудель таким тоном, будто не зная о рулетке было невозможно.

– Насколько велика сумма выигрыша?

– Сто... двадцать... тысяч! – Каждое слово звучало, словно удар колокола.

У пристава перехватило дыхание. Это не сумма, а целое состояние. И детям, и внукам хватит...

– Выиграла на рулетке? – спросил Пушкин, будто не мог поверить в такое чудо.

Фудель понимал растерянность полиции.

– Все произошло на моих глазах, – заверил он.

– Мадам Терновская часто играет?

– Да что вы, и карт в руки не берет! На рулетке так вообще впервые оказалась... И такая удача, не зря говорят: новичкам везет... Тем, кто первый раз к столу подходит...

– Невероятная удача, – проговорил Нефедьев и получил от Пушкина строгий взгляд. Сейчас не время для эмоций.

– Терновская получила с рулетки всю сумму и принесла домой? – спросил он.

Фудель усмехнулся:

– Куда еще? Не в сугробе же закопала?!

Вот теперь Пушкин обратил на пристава по-настоящему вопрошающий взгляд. Игорь Львович прекрасно понял, о чем он. И мелко-мелко затряс головой: дескать, никаких денег в доме не находили. Думать нельзя о подобном...

– Сто двадцать тысяч в купюрах сколько места занимают? – спросил Пушкин.

Племянник развел руки, будто показывал размер улова.

– Вот такая, не меньше, куча ассигнаций... Анна Васильевна их в ридикюль засунула. У нее такой древний, слон поместится...

Старые московские барыни не признавали новомодных сумочек, в которых разве мышь можно засунуть. Они носили настоящие, размером с небольшое колесо. Солидной даме – достойный ридикюль.

– От Спиридоновской до Большой Молчановки ваша тетушка шла пешком?

– Только вообразите! Такая упрямица.

– И вы не проводили ее?

– Отказалась от провожатых... Но я, конечно, следовал за ней, сколько мог. Видел изда- лека, что дошла благополучно. И теперь прошу полицию взять дом под охрану. Чего доброго, кто-нибудь покусится...

– Кто покусится? – строго спросил Пушкин.

Племянник немного растерялся.

– Надеюсь, что никто, фигура речи, так сказать... Так я могу рассчитывать на охрану?

Пушкин как раз собирался задать очень важные вопросы, пока юноша не знает или делает вид, что не знает, о случившемся. Пристава дернуло за язык.

– Анна Васильевна умерла ночью, – сказал он, не уточнив, какой именно.

Известие Фудель воспринял слишком спокойно для любящего племянника.

– Значит, оглашение завещания будет завтра, – пробормотал он и встал. – Какое трагическое известие... Надо сообщить родственникам...

Как будто теперь судьба ста двадцати тысяч его перестала волновать.

Осталось узнать, где Фудель обитает. Племянник и будущий наследник проживал в Хлебном переулке рядом с усадьбой Забелиных. В двух шагах от Большой Молчановки и дома Терновской. Пушкин попросил заглянуть к нему в сыскную, чтобы ответить на формальные вопросы. Фудель обещал быть непременно, элегантно раскланялся и исчез.

– Ох, дела... – только и смог проговорить Нефедьев. – Ну Анна Васильевна и заварила кашу напоследок...

Пушкину хотелось знать, что связывало пристава с погибшей, теперь в этом сомнений не осталось. Но сейчас важнее было другое.

– Насколько тщательно осмотрели дом Терновской?

Нефедьев вынужден был признать, что никак не осматривали. Полагали ведь, что обычная смерть. Пушкин напомнил, что теперь вскрытие должно быть проведено безотлагательно, и покинул участок. Игорь Львович не посмел увязаться с ним. Хотя оказаться в доме Анны Васильевны ему захотелось как никогда...

12

В глазах стоял мутный туман. Катя Гузова только пыталась понять, куда ее везут, только хотела открыть рот, чтобы закричать и обложить как следует, только маленько оживала, как получала незаметный тычок и снова проваливалась в омут. Городовой замечал быстрое движение мадемуазель, но делал вид, что озирается по сторонам. Когда пролетка встала у полицейского дома в Гнездиновском, Катя свешивалась с рук городского тестом: мягка, молчалива и податлива. Так что пришлось ее маленько встряхнуть. Стоять на своих ногах у Кати не получалось.

– Куда теперь? – спросил городской, держа ее под мышкой.

– На третий этаж, в сыск, – последовала команда.

Мадемуазель открыла перед ним дверь. Городовой поволок нелегкую ношу.

...Михаил Аркадьевич вполне обрел себя. Шустовский – лучше любого лекарства, творил чудеса. Начальник сыска вышел в приемную часть безо всякой цели, чтобы не оставаться в кабинете. Где шустовский нашептывал соблазны. Чему поддаваться было нельзя: как известно, излишнее лекарство превращается в яд. К тому же Эфенбах одержал над подчиненными блестящую победу, настояв на своем при выборе, в каком именно игорном доме будут искоренять карточный порок. Как раз там, где он никогда не играл. Настроение его было безоблачным, он уже собрался отправиться на обед. Немного раньше, чем полагалось, но ведь еще Святки... И тут в приемную часть с пыhtением и шумом ввалился городской, неся на руках нечто обернутое в мех, как показалось Эфенбаху.

– Это куда посмели, что такое? – в изумлении проговорил он. И был прав. Далеко не каждый день городовые имеют наглость притаскивать в сыск с улицы мертвые тела, как к себе в участок. Вернее сказать: никогда такого не бывало...

– Ваш бродь, так это вот оне приказали, – ответил городской, тяжело дыша и мотая головой влево.

Из-за его спины павой выплыла дама, приняла скульптурную позу и красиво вознесла руку.

– В Москве по праздникам без подарков не ходят, так я с подарком!

В первое мгновение Эфенбах ее не узнал, так она изменилась. Зато во втором счастливо всплеснул руками:

– Птичка-небыличка наша сладкопевчая! Вернулась! Баронесса! Наша! Раздражайшая! Фон Шталь! Ай, сразила в самое дыхание! Ох, мороз по сердцу! – заливался он, страстно желая сжать в объятиях прелестное создание. Но не мог себе этого позволить. – Да вас же куда там узнать!

В самом деле, с последней встречи баронесса преобразилась: она стала яркой брюнеткой. Черной, как крыло ворона. Как ночь... Как бездонное озеро... Ну и так далее. Ничто так не меняет женщину, как тщательно подобранная черная краска.

– И я рада вас видеть, бесценный Михаил Аркадьевич! – ответила фон Шталь, посылая поцелуй. Воздушный, разумеется. – И вас, господа, очень рада найти в здравии! Примите мои поздравления с праздниками!

Лелюхин с Актаевым встали из-за столов и тоже улыбались неожиданной гостье. Только Кирьяков сделал вид, что слишком занят бумагами, чтобы отвлекаться на пустяки.

– А где подарок? – спросил Эфенбах, невольно облизнувшись.

Ему указали на тело без чувств в руках городского. Катя сочла за лучшее притвориться. Так оно вернее будет.

– Гузова Катерина, воровка, промышляет в ресторане «Лоскутной», срезала ридикюль у невинной барышни... Извольте получить и оформить... Мой подарок!

Подарки Эфенбах получать любил. Но совсем не такие.

– Заявление барышня *окраденная* написала? – все же улыбаясь, спросил он.

– Нет, ридикюль ей вернула.

Подарок для сыска бесполезен – дело не завести.

Городовой вконец устал: девица с шубейкой имела вес немалый.

– Куда ее, ваш бродь?

Эфенбах махнул в угол, отгороженный прутьями. Нельзя же обидеть баронессу, отпустив при ней. Городовой поволок Катю, которая продолжала играть обморок.

Фон Шталь оглядела приемное отделение.

– А где господин Пушкин? – спросила она, старательно скрывая интерес.

– Беда с ним, – трагическим тоном ответил Михаил Аркадьевич, вдыхая аромат женщины.

– Что случилось?! – чуть не вскрикнула баронесса.

– Что ни день – так спит! Служба идет, а он спит, дремучее создание! Никакого с ним *понимательного* процесса не сладить. Мал пескарь, да пенек не объедешь!

– Совершенно с вами согласна, прелестный Михаил Аркадьевич, – сказала она с видимым облегчением. – Возмутительное поведение. Месье Пушкин совершенно отбился от рук.

– Еще как отбился! Осколков не собрать!

– Ну ничего. – Баронесса надела варежки с меховой опушкой, как доктор резиновые перчатки. – Придется ему ответить за ваши страдания...

– Уже уходите? – спросил расстроенный Эфенбах, уже собиравшийся пригласить даму отобедать с ним.

– Я обязательно вернусь, славный Михаил Аркадьевич, у меня имеются кое-какие интересные сведения... Кстати, где теперь месье Пушкин?

Эфенбах не мог вспомнить, куда делся его чиновник. Пришлось Лелюхину сообщить, что Пушкина вызвали в Арбатскую часть на Большую Молчановку. Баронесса знала эту улицу. Наговорив ворох комплиментов уму и талантам Эфенбаха и мило помахав ручкой чиновникам, она исчезла, как видение. Оставив за собой тонкий аромат духов Брокер: то ли «Царский фиолет», то ли «Конец века». Нечто знакомое и волнующее, как тайный поцелуй.

Романтические мечтания разбил Кирьяков. Он спросил, что делать с задержанной: оформлять или отпускать. Эфенбах поморщился: задерживать не за что. Полицейского фотографа в сыске нет, а правильно делать бертильонаж²⁶ некому. Завести карточку, описать приметы и вытолкать в шею воровку Катю Гузову, всего и делов. Ну и припугнуть, конечно, чтоб в «Лоскутную» больше не смела нос сунуть. Место приличное, Эфенбах порой там обедал. Чиновник отправился исполнять поручение.

А Михаил Аркадьевич мечтательно вздохнул.

– Ах, стрекоза-дереза, чернявка-плутовка! – пробормотал он.

А вот что за мечты вились в его голове, знать не следует.

13

Из ворот выехала санитарная карета, увозившая тело. Дворник проводил ее с непокрытой головой, утерев слезу шапкой. Все, кончились подарки на праздники, нету доброй Анны Васильевны. Господина из сыскальной полиции – Прокопий уже знал, кто это, – проводил горестным вздохом. Пушкин не стал спрашивать дворника, видел ли он кого-то выходящим из дома Терновской ночью первого января. Бесплезная трата времени: отменение Нового года до сих пор не улетучилось из дыхания Прокопия.

В гостиной мало что изменилось. За исключением хозяйки, которая покинула свой дом навсегда. Трашантый закончил новый протокол и доложил, что обыскал где только можно: ключей нет. А потому распорядился, чтобы дворник приладил на входной двери навесной замок, раз взрезной сломан окончательно.

– Ридикюль старой моды попадался?

Такой вещи Трашантому не встретилось.

Пушкин ждал, что помощник пристава спросит разрешения уйти. Он подошел к окну и выглянул на улицу. Через дорогу виднелись высокие окна старинного особняка. И будто нарочно глядели прямоком в окна Терновской.

– Кто живет в доме напротив?

Оказалось, что пожилая дама по фамилии Медгурст столь преклонного возраста, что не покидает кресло-каталку. Особняк ей не принадлежит, только снимает, о чем в полицейской книге участка сделана запись регистрации. Без регистрации ни один житель не имеет права находиться в Москве. Что, впрочем, касается добропорядочных обывателей. Обитатели Хитровки и Сухаревки не то что регистрации, документов не имеют. И ничего, живут, пока не спыются или не получат финкой в бок.

– Как-то зашел к ней для порядка, так она слепая и глухая, – добавил Трашантый, подчеркивая свою старательность по службе.

– Одна живет?

– При ней горничная или экономка, уж не знаю, невзрачная такая...

– Никодим Михеевич, если закончили, не смею задерживать, – сказал Пушкин. Чтобы поскорее остаться без лишних глаз. Которые все доложат приставу.

С большим облегчением Трашантый откланялся.

²⁶ Бертильонаж – описание и систематизация преступников по методу Альфонса Бертильони.

Пушкин притворил входную дверь и вернулся в гостиную. Рядом располагалась спальня, сразу за ней помещение, в котором стоял шкаф. Размеры резного чудовища черного дуба поражали. Казалось, не шкаф внесли в дом, а дом был построен вокруг него. План дома был привычным: без коридора в линию шести окон. Только у кухни окно выходило в сад. А вот лестница на мезонин была разобрана, проход заколочен. Вторым этажом Терновская не пользовалась. С ее комплекцией подниматься тяжело. Да и зачем одинокой даме второй этаж...

Тот, кто хочет спрятать нечто ценное, находит в доме потаенное место. Хозяин уверен, что никто не догадается, куда засунул драгоценности: за печную задвижку, или под матрац, или в старую шубу в шкафу. Зато воры и полиция знали, как похож выбор секретных мест. Особенно если прячут женщины. Не надо вскрывать половицы, не надо простукивать стены, не надо лезть на чердак. У Терновской, если она решила что-то спрятать, не было времени. Убийца пришел почти сразу: она не успела даже платье сменить на домашнее. Да и ридикюль не везде влезет.

Пушкин начал с кухни. Проверил большие кастрюли, заглянул в шкафчики с запасами и жестяные банки для круп. Не поленился сунуться в остывшую кухонную печь, перемазав руки в саже. Открыл бочку для квашения и порылся в мешке с горохом. Ридикюля не было. Не нашлось его в исполинском шкафу, ни на вешалках, ни среди склада тряпья. Тщательный досмотр спальни (под кроватью, под матрацами и подушками, в ящиках туалетного столика) не дал ничего, кроме пыли.

Он вернулся в гостиную. Проверив занавески, отодвинув кресла и обыскав буфет, Пушкин много узнал о хозяйских привычках Терновской. Даже ознакомился с памятными фотографиями. Но и только. Для очистки совести и руководствуясь привычкой доводить розыск до конца, он поискал в прихожей. Хотя заранее знал результат. Последнее, что вызывало интерес – рабочий стол с этажеркой.

На узком конторском стуле сидеть было крайне неудобно. Пушкин стал аккуратно, чтобы не испортить порядок, вынимать бумаги. Одни за другими.

Интересы мадам Терновской были не сказать чтобы обычные для женщины ее возраста. Анна Васильевна работала со сведениями... по биржевым торгам. В бумагах перечислялись котировки акций с лондонской, парижской, нью-йоркской и даже берлинской биржи. Не говоря уже о петербургской. Судя по записям, Терновская отслеживала графики курсов, как настоящий биржевой маклер. Бегло просмотрев бумаги почти во всех секциях этажерки, Пушкин сделал вывод: Анна Васильевна играла на бирже. И, вероятно, зарабатывала. Но сколько бы он ни искал, не попалось ни одного листка с черными и красными цифрами, какие были в недоставленных письмах. Зато среди бумаг, воткнутая будто случайно, торчала записка. А в ней всего одна строчка, написанная от руки:

«Обещаю, ты получишь то, на что так давно имеешь право. Твоя П.».

Конверта для записки не оказалось. Как и даты, когда была прислана. Пользуясь тем, что некому осудить дурной поступок, Пушкин сунул записку в черный блокнот. И затянул резинкой.

Оставался вопрос, где Терновская хранила купленные акции. Сохранных расписок от банков не попадалось. Неужели еще раз обшаривать дом? Он посмотрел на пол. На паркете виднелась еле заметная полоска, как будто столик часто перемещали. Пушкин встал и немного толкнул столешницу. Столик послушно сдвинулся. В ножках были небольшие колесики. Чтобы с удобством перемещать по конторе. Оставалось толкнуть сильнее.

Этажерка отъехала. За ней в стене открылась ниша, почти целиком занятая сейфом. Старая модель, какую поставили из Германии в конце 50-х годов. Даже нельзя сравнивать с современными английскими или американскими новинками. Они как крепость для денег. Старичок-немец казался скорее ненадежным бастионом. Каким бы древним сейф ни был, но сталь прочна и запросто не сдастся. Терновская могла успеть сунуть ридикюль в него. Оставалось

придумать, как это проверить. Пушкин знал один коварный способ. Вернее, он знал странную привычку хозяев сейфов. Просунув руку в узкий проем между сталью и стеной, пошарил и вытащил ключ, висевший на крохотном гвоздике. Ключ мягко вошел в замочную скважину. После трех щелчков-поворотов дверца открылась.

Сейф хранил процентные бумаги. Сталелитейных заводов, бакинских нефтяных промыслов, пороховых фабрик Нобеля и торговых домов. Самые ходовые и выгодные. На глаз трудно оценить, но акции тянули не меньше чем на полмиллиона. Анна Васильевна оказалась чрезвычайно богатой дамой. Мало кто, так успешно вкладываясь в акции, жил столь скромно. Ее выигрыш в рулетку не казался чем-то невероятным. На акциях она заработала куда больше.

В глубине несгораемого ящика лежали пачки сторублевых ассигнаций. Пересчитывать купюры не имело смысла. Судя по толщине – не меньше тридцати тысяч рублей. А то и сорок тысяч. Возник неизбежный вопрос: почему огромное состояние на месте? Или убийца ничего не знал про них? Если Терновская не побоялась впустить его ночью в свой дом, вероятно, человек был ей знаком.

Вернув акции в сейф, Пушкин запер дверцу, засунул ключ в щель и установил рабочий столик на прежнее место. Он вышел в прихожую и толкнул дверь.

Перед крыльцом стояла барышня в короткой кацавейке с шапочкой-пирожком. Под мышкой зажат книжный том. Похожа на курсистку или приходящую учительницу. На Пушкина она взглянула с нескрываемым изумлением.

– Вы кто такой? Что вы тут делаете?

– Сыскная полиция... – только успел сказать он.

Барышня выронила книжку и бросилась бежать. Стремительному бегу не мешала длинная юбка.

14

Как ни странно, но тетушка Пушкина тоже была когда-то молодой. А потому не питала иллюзий в отношении племянника и особенно дочери Тимашева. Молодая барышня, вернувшись из заграницы, сбросив ярмо дядинога присмотра, попадает в Москву. Конечно, она мечтает получить от жизни все, изведать как можно больше удовольствий, поддаться соблазнам и просто весело провести время. Впереди ждет отцовская воля, от которой некуда деться. Мадам Львова знала, что не сможет, да и не имеет права держать Настасью в узде. Для этого родные тетки есть. Но не попробовать было нельзя. Если дочь наследовала характер матери, тут уж держись. Она еще не забыла, что вытворяла Амалия в возрасте дочери.

Дорогой племянник в качестве уздечки мало годился. Ленив, замкнут, вскружить ему голову и закружить так, что про себя забудет, бойкой барышне проще простого. Тетушка была невысокого мнения о стойкости Пушкина. Впрочем, как и всех молодых мужчин. Надо признать, что у нее имелся тайный умысел. Настасья – невеста достойная и богатая, что Пушкину совсем не будет лишним. Такую свадьбу тетушка не прочь была бы обстряпать. Но и насильно женить Пушкина не собиралась. Случится – она с радостью будет нянчить его деток. А нет, так и не велика потеря. Москва невестами полна. В общем, тетушка решила нанести упреждающий визит.

Узнав у портье, в каком номере остановились мадемуазель Тимашева с компаньонкой, тетушка поднялась на второй этаж и постучала в дверь с цифрой «21». Она услышала смех, визг и возню, какую устраивают дети, когда в детскую стучит строгая воспитательница и надо спрятать следы шалости.

– Кто там? – наконец раздался девичий голосок.

– Мадам Львова. Откройте, моя милая, – как могла строго сказала тетушка, хотя ей хотелось совсем иного.

Потребовались еще возня и шушуканье, прежде чем дверь открылась. На пороге стояла Настасья, раскрасневшаяся, со сбитой прической. В глазках прыгали лукавые искорки. Девушка была свежа и хороша. Нельзя не пожелать такую невесту любимому племяннику.

Хоть горячая кровь молодости привлекала, тетушка взяла строгий тон.

– Что вы, моя милая, смотрите, будто не узнаете?

Настасья улыбнулась так чисто и беспечно, что не было сил на нее сердиться.

– Что вы, мадам Львова, как можно!

– Так пригласи уж войти... – сказала тетушка и, не ожидая формальностей, вошла сама.

Номер был именно в таком безобразии, какое следовало ожидать от барышень на свободном выгуле. Повсюду разбросаны фантики от *конфект*, отрывки яблок, апельсиновые шкурки, флакончики духов, платья, туфли и предметы женского туалета. Что и говорить, гардероб Настасья привезла отменный. Что ж, тем лучше, войдет в приданое.

Тетушка сурово, как сумела, разглядывала устроенный разгром и кивнула Прасковье, которая застенчиво отвернулась и принялась подбирать вещи – то есть делать то, для чего ее наняли. Выговаривать чужой горничной мадам Львова сочла неуместным.

Извинившись за небольшой беспорядок, Настасья предложила садиться. Тетушка скинула с кресла летнюю шляпку, довольно миленькую, и опустилась на мягкую подушку.

– Ну, моя дорогая, как проводите время? – спросила она светским тоном.

Настасья отвечала, что они с интересом осматривают Москву.

– Ходите по магазинам?

– Пока еще нет... Вернее, да... были...

– Были на Кузнецком Мосту или в Верхних торговых?

– На Кузнецком, – ответила Настасья и прыснула.

Тетушка отчетливо видела, как из нее пытаются сделать дуру. Чего терпеть не могла. Оправдывалось худшее ожидание: Настасья – копия своей матери. Значит, на самом деле надо надевать ежовые рукавицы. Пока бед не натворили.

– Вот что, моя милая, – ледяным тоном начала Львова. – Ваш батюшка просил присматривать за вами. И я намерена исполнить его просьбу со всем старанием. Вы обещали заглядывать ко мне каждый день? И что же на деле? Не видела вас с тридцатого декабря. Чем занимались эти дни?

– Мы... Просто проводили время...

– Где были на первое января? Почему не приехали, чтобы встретить Новый год у меня? Барышня потупилась, не ожидая такого допроса.

– Я... мы... рано легли спать... Устали от прогулок...

Тетушка заметила, что Прасковья держится в стороне, но прислушивается. Вот что бывает, когда компаньонке слишком много позволяют. Куда больше огорчила Настасья: будущая невестка врала. Глупо и неумело.

– Простите, но не могу оставить ваше поведение без последствий, – сказала Львова поражаясь, что это говорит она. – Я решила, что с сегодняшнего дня вас будет опекать мой племянник, Алексей Пушкин. Очень серьезный молодой человек, служит в полиции, офицер, коллежский майор, то есть секунд-майор...

При всех достоинствах, она отчаянно путала гражданские и военные чины. Не говоря уже о погонах, родах войск и званиях. Пушкин как-то пробовал навести порядок в ее представлениях, но быстро понял, что бывают задачи неразрешимые. Для тетушки не важны звездочки на погонах, главное, чтоб человек был хорошим.

К счастью, Настасья понимала в различиях чинов еще меньше.

– Секунд-майор – это так мило, – сказала она.

– Сегодня он непременно посетит вас и составит план вашего дальнейшего пребывания в Москве.

Настасья потупилась:

– Благодарю вас, – тихо проговорила она.

Львой стало стыдно, что она так строга с невинным ребенком, который хочет немного радости. А она предстала гадким мучителем. Чтобы загладить вину, тетюшка взяла ее руку и ласково погладила.

– Моя милая, не обижайтесь. Барышни в вашем возрасте часто делают глупости, о которых сожалеют. Поверьте, никто вас не будет сажать в клетку. Что собираетесь делать сегодня вечером?

– Мы приглашены на ужин к тетюшке... – Настасья обернулась за помощью к компаньонке.

– Живокини, – подсказал та.

– Да, Вера Васильевна...

Это совсем уж никуда не годится. Забыть имя родной тети? Даже Пушкин себе такого не позволяет. Следует надеяться.

Другое встревожило Львову: она прекрасно знала Живокини, а потому с трудом могла представить, как Вера Васильевна будет развлекать барышню да еще с компаньонкой. Что-то здесь не то...

Тетюшка стала прощаться, еще раз напомнив о визите Пушкина, и настроено просила быть у нее завтра. Если сегодня намечен ужин. Настасья обещала непременно.

Стоило мадам Львой выйти, как за дверью раздался сдавленный девичий смех. Когда зажимают ладошкой рот и нет сил остановиться. Смеялись над глупой старухой, которую ловко провели. Тетюшка в этом уверилась. И сильно обиделась.

Она невольно подумала: вдруг Настасья узнала про рулетку? Мысль эта явилась сама собой, без видимых причин. Но напугала сильно. Если это правда, может случиться все, что угодно...

На рулетку надо было отправиться сегодня, не откладывая.

15

От лени дворников случается польза. Если бы не сугробы, зажавшие улицу, барышня имела бы шанс на спасение. Подобрал юбку, она ловко убегала, скользя, но не падая, на каблучках зимних ботинок. И даже немного оторвалась. Но впереди оказался участок глубокого снега, до которого не добралась лопата дворника. На всем ходу она сделала отчаянный рывок через сугроб, зацепилась и плюхнулась. Будто нырнула. Даже ботиночки взлетели вверх.

Пушкин оказался тут как тут. Не запыхался и не слишком спешил. От сыскной полиции еще никто не уходил. Первым делом, прихватив локоть, он помог барышне подняться и заботливо смахнул снег с кацавейки. Лицо ее было облеплено снежными комьями, но прикасаться к нему было невозможно.

– Не ушиблись?

Барышня смахнула с глаз хлопья, но смотрела испуганно.

– Я все отдам... все отдам... С этим пришла... Зачем же полиция... Вот, у меня есть деньги. – Она попыталась найти кармашек, но пальцы не слушались.

– Прошу успокоиться. Вас ни в чем не обвиняют, – сказал Пушкин. – Был бы на моем месте городской – имел бы законное право выстрелить в спину.

– Я больше не буду, – проговорила она, закрывая лицо ладошками.

– Анна Васильевна потребовала вернуть долг и угрожала полицией?

Она вытащила две смятые пятирублевые купюры.

– Вот... Вот... Извольте...

Пушкин просил убрать деньги. Не хватало, чтоб городской увидел, как ему суют бумажки. Будет приставу веселье. Мало того, за деревом в начале улицы он заметил женскую фигуру, которая старательно пряталась. Судя по неумелой попытке закрыться стволом, совсем не филер. Неужели Нефедьев послал жену или дочь шпионить? Редкая глупость...

Он мягко взял барышню под руку.

– Пойдемте в дом, там все расскажете... Кстати, раз уж вас не подстрелили, извольте представиться...

– Ольга Рузо, – сказала она, сопя.

Лицо ее нельзя было назвать красивым. Скорее невыразительным. Есть тип барышень, в которых нет ничего отталкивающего. Вроде глаза, губы, ресницы на месте. Черты по отдельности ничем не испорчены. Но собранные вместе не имеют ничего привлекательного. Как пустой лист, который ждет рисунка. Нос ее был длинноват и прям, как указательная стрелка.

У крыльца Пушкин поднял сборник лекций «Теория вероятности» ординарного профессора математики Императорского московского университета П. А. Некрасова. Хорошо знакомая книга.

– Изучаете математику? – с невольной теплотой спросил он.

Рузо тщательно отряхнула обложку от снега.

– Обучаюсь на курсах... домашних учительниц...

Такие познания для обучения детей арифметике явно излишни. Пушкин не стал обращать на это внимание. Он предложил барышне подняться.

Прокопий еще не успел приладить на дверь железную скобу, вывороченный замок свисал, как язык. Рузо это заметила.

– Что тут произошло? – спросила она, обернувшись на крылечке.

– Ключ потерял, пришлось ломать, – ответил Пушкин, ни в чем не соврав.

Отряхнув ботиночки, Рузо повесила в прихожей кацавейку и положила под ней «Теорию вероятности». Пригладив туго уложенные волосы, вошла в гостиную и остановилась, поглядывая на оплывшие свечи, самовар и чашку на столе. Барышня чрезвычайно наблюдательная.

– Позвольте, а где Анна Васильевна?

– Ее нет. Просила, чтоб занялись, чем положено.

– Просила передать через вас? Не оставила для меня письменного распоряжения?

– Разве вчера Терновская не дала указаний?

– Вчера было воскресенье, Анна Васильевна разрешает пропускать.

– Принимайтесь сейчас...

Пожав плечами, Рузо прошла через гостиную и села за конторский стол. Узкий стул был как раз под нее. Совсем не для мадам Терновской. Она открыла чернильницу, вынула из маленького ящика перьевую ручку и только сейчас заметила, что на столе кое-чего не хватает.

– Простите, а почту Анна Васильевна сегодня получала? Она ничего не оставила?

– Ожидаете письма из Висбадена и Монте-Карло?

Проницательность полиции вообще, а подобная тем более, всегда имеет успех. Рузо не нашлась, что сказать, только утвердительно кивнула.

– Какие новости госпожа Терновская желала получить из этих писем?

– Статистические данные, – последовал уклончивый ответ. – Когда можно ожидать Анну Васильевну?

Больше скрывать не имело смысла. Пушкин сообщил, что мадам Терновская умерла. Сыскная полиция исследует некоторые обстоятельства ее кончины. Он ожидал, какая будет реакция. Реакция последовала странная. Рузо схватилась за голову, издала протяжный стон раненой птицы, упала лицом на столик, причем раздался отчетливый удар, после чего резко поднялась и закусила кулачок.

– Несправедливо... Нелогично... Неправильно... Я знала, что так будет, – быстро говорила она. Глаза ее лихорадочно блестели.

Отодвинув стул от стола, Пушкин сел рядом.

– Знали, что она умрет?

– Как иначе... Как иначе... Такая чудовищная глупость. – Барышня волновалась чрезмерно.

– Полагаете, смерть Терновской связана с выигрышем на рулетке?

Рузо сумела развернуть стул, сидя на нем. Под стон и скрежет половиц. Мышцы ее лица мелко подрагивали. Взгляд тяжелый и беспомощный.

– Уже сообщили... Вам сообщили...

– Видели, как она выиграла?

– Да, я была там... В тот недобрый час, – проговорила она с таким драматизмом будто дело шло о потере любимого человека.

– Сколько игроков было за столом?

– Не знаю... Не считала... Какая разница... Десяток... Дюжина... Это все не имеет значения... – отвечала Рузо. Речь отрывистая, голова опущена, думает о своем.

– Если предположить, только предположить, – Пушкин сделал особое выделение, – что Анна Васильевна погибла, кого бы вы назвали виновником?

Она резко вскинула голову.

– Терновскую убили?!

– Я не делал такого утверждения. Вопрос был о другом...

– Кто желал ей смерти? – Рузо недобро усмехнулась. – Далеко ходить не надо. Например, двоюродный племянник Фудель, редкий дурак и пустышка. Или ее двоюродный братец, напыщенный индюк Лабушев... Стая жадных безмозглых воронов... Только бы денег достать... Они и убили... Кто-то из них... Не сомневайтесь... Ворвались ночью и убили... И выигрыш себе прибрали... Волки... Негодяи...

Барышня плохо владела собой, с уголка губ сползла слюна. Еще немного, и набросится с кулаками.

– Чем именно вы занимались у Анны Васильевны? – мирно спросил Пушкин.

Она обмякла, скулы потеряли остроту, плечи опустились.

– Секретарская работа... Мадам следила за курсами акций на многих биржах, я составляла для нее графики движения цены и математический прогноз изменения курса... Надеюсь, это не запрещено...

– Ее интересовали только ценные бумаги?

– Да, она покупала и продавала... Кажется, хотела изучить движение европейских акций, чтобы отправиться играть там...

– Госпожа Терновская играла только на акциях?

– Конечно. Котировки, рост стоимости...

– Для чего ей список выигравших номеров из казино Висбадена и Монте-Карло за последнюю неделю?

Рузо вздрогнула.

– Вы видели письма? Прошу вас, отдайте мне их...

Даже если бы захотел, Пушкин не мог этого сделать. Открытые письма будут положены в конверты и за счет почтово-телеграфной конторы отправлены назад. Чтобы получить их, потребовались бы ходатайства к прокурору.

– Считайте, что их больше нет, – ответил он.

– Все пропало, – проговорила Рузо с таким отчаянием, что иное сердце, не будь оно сердцем чиновника сыска, сжалось от сочувствия. А это даже не дрогнуло.

– В них было нечто ценное?

– Да, исключительно ценное, – со злобой ответила Рузо. – Ценное для меня... Я занималась этими мерзкими графиками, чтобы получать нужные сведения. Терновская рассчитывалась со мной этими письмами... Теперь все кончено... Я не смогу оплачивать корреспонденцию... Моих уроков не хватит...

– Изучаете статистику рулетки?

Рузо встала.

– Будьте любезны, господин полицейский, не вмешивайтесь в частную жизнь...

Пушкин согласился. Он спросил, где проживает барышня. Будущая учительница сняла комнату в общежитии «Общества распространения знаний и образования среди женщин», что в Мерзляковском переулке. Как удобно для секретарской работы: до дома Терновской минут пять неторопливым шагом. Пушкин попросил заглянуть к нему в сыск в ближайшие дни. Могут потребоваться еще разъяснения.

– Когда умерла мадам? – спросила Рузо.

– Ночью первого января...

– Тогда... Тогда оглашение завещания на третий день, завтра...

Кажется, в кончине Анны Васильевны всех интересовало только завещание. Было чего ждать. Если открыть стеной сейф.

Спросив, может ли она быть свободной, Рузо быстро ушла.

У двери Прокопий прилаживал навесной замок. Ключ Пушкин просил занести ему в сыск, а не в участок. Дворник обещал исполнить в точности.

Он вышел на Большую Молчановку. Подбежал городской, спросил, не будет ли каких приказаний. Видно, пристав дал команду: оказывать сыску любую помощь. Как, однако, Нефедьев испугался цифр в письмах – и как невнимательно их изучил.

Пушкин настрого приказал брать любого, кто появится около дома Терновской, и вести в участок. Невзирая на крики и жалобы. Чем бы ни угрожали – хватать и тащить. Ничего не бояться, все последствия и жалобы берет на себя. И сменщику передать. Городовой козырнул.

По порядку розыска надо было наведаться в дом напротив, чтобы расспросить экономку. Но фигура за деревом манила куда сильнее. Следовало выяснить, кто эта настойчивая дама, что не боится отморозить ножки.

16

Побывать в Москве и не отобедать в трактире Тестова – преступление. Таких блинов, молочных поросят, расстегаев и томленных щей больше нигде не отведают. На всю жизнь великая память. А вот в трактир Мясоедова на Лубянке лучше не заглядывать. Без кошелька, часов и цепочки можно остаться. Трактир темен, пол залит слоем жира, по которому снуют нечесанные половые, а подают такую дрянь, что доброму человеку и в рот брать не стоит. Пиво кислое, про другие напитки лучше не знать. Чай, да и тот второй заварки. Зато чужих здесь не бывает. Только свои, кому не застолье важно, а чтоб полиция не заглядывала.

Выйдя на свободу, Катя Гузова напрямик побежала на Лубянку, в трактир. Женщин сюда не пускали, но ей вход был открыт – знали, чья деваха. В полутьме Катя нашла стол, за которым сидел мужчина невысокого роста, коренастый, с сильными плечами, в приличном костюме-тройке. Перед ним стояла кружка бледно-желтого пойла. Катя схватила ее и сделала несколько жадных глотков. Мужчина жевал вяленого снетка, выражая безразличие. Катя отерла пену рукавом, шлепнула кружкой об стол и села напротив.

– Ну как улов? – бесцветно спросил он.

– А вот так... – тут Катя разразилась бранью.

Коренастый слушал рулады, не переставая жевать. Пока бабы причитания его не притомили.

– Амба мельтешить. – Он легонько пристукнул краем ладони по столу, Катя сразу затихла. – По делу говори...

– А по делу, выходит обида большая, Меток, – сказал она, обращаясь по воровской кличке.

– В чем обида?

Тут уж Катя в красках рассказала, как наметила вещицу, взяла ее чисто, да тут откуда ни возьмись объявилась мамзель распрекрасная, под дых ей дала и в сыск с городовым отвезла. Хорошо хоть отпустили...

Меток нахмурился.

– Как, говоришь, ее называли?

– Штоль или Шталь, фон какая-то... – ответила Катя. И тут же получила легкую затрепщину.

– За что? – обиженно спросила она, поглаживая затылок.

– Дура ты, Катька, расписная, ничего не поняла. Знаешь, с кем тебя счастье свело? Ничего ты не знаешь, бедовая. Так вот слушай... – сказал Меток, поманив к себе.

Катя приложила ухо. Меток стал быстро шептать, дыша кислым пивом. Закончив, оттолкнул, чтоб место знала. Теперь Катя поняла, какую ошибку совершила.

– Что же мне теперь, ей в ножки поклониться? – спросила она.

– И поклонись, и прощения попроси. И проси, чтобы к нашему делу снизошла. А тебя, дуру, уму-разуму научила... С ней много чего суметь можно... Все, сгинь. – И Меток отмахнулся.

Катя цапнула с тарелки снетка – с утра ведь ничего не евши – и пошла прочь, жуя рыбку и размазывая слезы с ваксой от потекших ресниц. Думала, Меток за нее заступится, проучит как следует. А вместо того еще и виноватой оказалась. Нет воровке счастья... Хоть в прачки подавайся.

17

Дама замерзала, так что нос и руки превратились в ледышку. Хуже того: сердиться было не на кого. Сама устроила авантюру. Но ведь и представить нельзя, что выслеживать кого-то в зимнем городе – сущая каторга.

Поначалу было весело. Она стояла за деревом, невидимая и незаметная, наблюдая. Пытка началась, когда объект ее интереса скрылся в доме и не думал показаться. Мороз взялся за дело. Стоять, не двигаясь, можно в валенках, недаром городовые их надевают. А в ботиночках ножки быстро сковали ледяные кандалы. Дама притоптывала и прыгала, но не согревалась, а промерзала сильнее. Не помогали ни муфта, ни варежки, ни беличий полушубок с шапочкой. Она перестала ощущать тело, только холод и холод во всех членах. Еще немного – бросит и убежит. Сил нет терпеть.

Когда она готова была сдаться, господин в черном пальто неторопливо вышел из ворот, бессовестно поболтал с городовым и небрежной походкой, будто ему и дела нет, направился по улице. Пора было оставить укрытие. Кое-как перебравшись через сугроб, она перебежала на другую сторону и пошла за ним, пока еще сохраняя расстояние. Надо было принять важное решение: как появиться? Нельзя же просто так наброситься со спины. Хотя очень хочется. Надо постараться появиться, будто ниоткуда, вырасти из-под земли. Эффектно и красиво. Выдумывать она еще могла, но сил осталось только на то, чтобы идти следом.

Господин свернул в Борисоглебский переулок. Дама заторопилась, чтобы не потерять его из виду, зная, что арбатские улочки умеют петлять. Обогнув угловой дом с палисадником, она оказалась в пустом переулке. Не так чтобы совсем пустом – сугробы и одинокий прохожий виднелись. Не было того, ради которого приняты морозные муки. Как будто растворился в воз-

духе. Оставалось одно: бежать вперед. Быть может, он успел так далеко уйти. И она побежала. Только добежав до Поварской улицы, окончательно поняла бесполезность усилий. Там его не было. Да и быть не могло.

Уставшая и обиженная, чуть не плача от досады, прикрывая варежкой отмороженный носик, дама повернула обратно. Дорогу преградило что-то большое и черное. Она отпрянула.

– В филера изволите играть?

Совсем не так мечтала она об этой встрече.

Как часто наши фантазии и мечты, такие близкие, такие яркие, такие доступные, что только руку протяни, вдруг улетают дымом, рассыпаются от пустяка, о котором и подумать невозможно. Как будто жизнь, не спрашивая наших желаний, безразличная к слезам, поступает с нами по своему усмотрению и непонятной воле. Не получился маскарад с ямщиком, подаренная воровка досталась другим. Бесценные мгновения, на которые она так рассчитывала, были потеряны. Потеряны окончательно. Все завершилось как нельзя плохо. Не то что радости не увидела в его лице, напротив: наградой ей был мерзкий, наглый, холодный тон. Холоднее мороза.

– Здравствуйте, господин Пушкин, – проговорила она, чувствуя, что под варежкой нос отогрелся и пустил жидкость. Только соплей не хватало в такой момент. И так хуже некуда.

– Что вы делаете в Москве?

Откуда такое умение быть гадким и бесчувственным? Ни один мужчина, видя, что она замерзает, не посмел бы играть ледяную статую. Без сердца и сострадания.

– Приехала праздновать Святки.

– Обещали мне уехать...

Она выжала варежкой нос, тут уж не до приличий, и грубо втянула воздух. Раз ему все равно, что она сейчас умрет от холода. И отсутствия теплоты.

– Обещание выполнено. Я уехала...

– Дали слово не возвращаться в Москву...

Какая невозможная жестокость. Неужели не видит, что она сейчас упадет в снег, в сугроб, в лед. Неужели у него в самом деле холодное сердце? Нельзя поддаваться мечтам, вот чем они кончаются.

– Слово имело силу для прошлого года. А теперь – новый...

– Вы на ходу меняете правила игры...

– Это вы их меняете, Пушкин! – в отчаянии прикрикнула она и топнула ножкой.

– Хорошо же, госпожа Керн... – проговорил он с мерзким угрожающим спокойствием.

– Меня зовут Агата! – сдерживая льющие слезы и сопли, выдохнула она.

– Как вам будет угодно... Агата Керн...

– Просто Агата, господин полицейский!

– Простите... Агата... Вернемся к нашему вопросу...

Нет, он не шутил, он начисто лишен человеческого сострадания. Неужели полиция так увечит мужчин? Перед глазами Агаты поплыл переулок, она была вынуждена вцепиться в рукав его пальто, чтобы не упасть. Пушкин не шелохнулся. Как будто ему и дела нет до ее страданий.

– Так вот, *Агата*, – нарочно выделил он имя, – в нашем договоре было важное уточнение: никогда. Никогда не возвращаться в Москву...

– Никогда не говорите «никогда», Пушкин, – чуть слышно пробормотала она. Холод притупил чувства, ей уже было все равно.

– Как прикажете это понимать?

Агата вдруг поняла, что если сейчас свалится и околеет у него на глазах, Пушкин, пожалуй, ткнет в нее ботинком, свистнет городского и забудет, что такая была. Уже забыл, как видно...

– Как понимать? Понимайте, что вы – черствый сухарь...

Логика и эмоции – две вещи несовместные. Пушкин давно знал, что женщинам можно приводить аргументы до тех пор, пока аргументы не кончатся у них. После чего женщины ломают логику и поступают по своему усмотрению. Впрочем, сейчас аргументы кончились у него. Он так обрадовался и растерялся, поймав Агату, что не знал, как себя вести. Может, предложить руку? Стояла она немного нетвердо...

– Это нелогичный тезис, – брякнул он, понимая, какую глупость сморозил. Да, сморозил на морозе, как сказали бы в книжонках, какие любит его тетушка.

Агата держалась из последних сил. Ей было дурно, без шуток.

– Пушкин, вы нашли мой подарок? – чуть слышно спросила она.

– Какой подарок?

– Вот в этом... Кармане пальто... У вас появился...

Сунув руку, Пушкин пошарил в шерстяном пространстве.

– Ничего нет, – сказал он. – Вероятно, выпал, когда вытряхивал сегодня пальто. Наверняка лежит в сугробе в Гнездниковском. Если дворник не подобрал.

– Мой подарок? – Агата уже плохо различала дома и Пушкина, перед глазами все превратилось в белесое пятно. – Вытряхнули... В сугробе... Дворник подобрал...

Он успел подставить руки. Агата рухнула, закатив глаза. Подхватив ее тело и проклиная себя за мальчишество, Пушкин побежал к Поварской, где должен быть извозчик. Она лежала, уткнувшись в его плечо. Показалось, что Агата в самом деле умерла, так промерзла одежда. На бегу он крикнул извозчика, который, на счастье, торчал у аптеки.

Сани подлетели, ванька расторопно откинул медвежью полость, Пушкин бережно уложил ее на толстый ковер и укутал по горло, подоткнув подушками. Он прикрикнул, чтоб скорее вез обмороженную в лечебницу, но Агата открыла глаза.

– Благодарю вас, – произнесла слабым голосом. – Не надо больницы... Мне уже лучше. Едем в «Лоскутную». У меня важная новость для вас, – и блаженно улыбнулась.

Чиновнику сыска оставалось гадать: а был ли обморок?

18

В тепле цветок расправил лепесточки. Кто бы мог подумать, что бодрая дама, вошедшая в зал ресторана, четверть часа назад почти не подавала признаков жизни. Официант поздоровался и проводил за столик, который предпочитала мадемуазель, оставил меню и обещал вернуться. Обедать Пушкин не собирался. Раз уж оказался в «Лоскутной», надо исполнить обещание, данное любимой тетушке. Эфенбах знает, что он при деле в Арбатской части, можно бездарно потратить немного служебного времени.

– Вернулись с новым цветом волос, мадемуазель Бланш, – сказал он, отодвигая соблазнительное меню подальше.

Страницы Агата листала довольно невнимательно.

– Вам нравится? – спросила она.

Что могло относиться и к прическе, и к имени, и к набору блюд. Женщины склонны смешивать раздельное и соединять невозможное.

– Огненной брюнеткой вы стали слишком заметны.

От Пушкина это можно было считать комплиментом. Агата так и посчитала. Ничего другого ей не оставалось.

– Заказывайте, что желаете. Я угощаю... Отметим нашу случайную встречу...

Бесполезно указывать на явное противоречие: подарок в пальто с последующей слежкой на морозе случайностью назвать нельзя. К тому же он еще не забыл, чем кончались приглашения Агаты отобедать за ее счет. Платил почему-то всегда Пушкин.

– У меня крайне мало времени. Прошу сообщить, что желали...

– В самом деле потеряли мой подарок? – Она смотрела на него поверх меню, как охотник выслеживает утку в камышах.

– Не беру подарки от воровок, – ответил он. – Даже гениальных. Чиновнику полиции это невозможно.

Старательно улыбаясь, Агата пропустила обиду мимо ушей.

– Я не воровка... Уже не воровка... Вы прекрасно знаете. У меня нет пути назад... – Она еще хотела добавить: «после сегодняшнего подарка», но промолчала. Подарок достался не ему.

– Рад слышать, но верится с трудом. Ближе к делу, прошу вас. – И он посмотрел на карманные часы.

Захлопнув меню и мотнув головой официанту, который собрался подбежать за заказом, Агата сложила руки.

– Как прикажете, господин полицейский, – сказала она бархатным голосом.

У Пушкина забегали мурашки по спине. С чего бы вдруг?

– Знаете ли вы, что в Москве открыли рулетку?

– Нам это известно.

– В большом доме на Спиридоновской...

– Местонахождение известно. Это все, что имеете сообщить?

– В ночь на первое января заглянула, чтобы развеять скуку и поставить по маленькой, – продолжила Агата, наблюдая за каменным лицом Пушкина.

– Играет в азартные игры или глупец, или шулер.

– Одна дама, судя по виду – из московских купчих, – продолжила она, – взяла и в четыре удара обыграла рулетку, получив невероятную, фантастическую сумму...

Был выбор: заявить, что сыскной полиции все известно, или выслушать неожиданного свидетеля. Грош цена ее показаниям, конечно. Но все же...

– Неужели тысячу рублей? – спросил Пушкин.

Кажется, наживку заглотил. Агата была довольна.

– Берите выше!

– Что, две тысячи?

– Холодно, холодно! – она невольно вздрогнула. – Что подскажет ваша разнузданная фантазия?

– Неужели десять тысяч? – старательно изумляясь, спросил он.

Агата счастливо засмеялась.

– Ах, Пушкин, у вас фантазии чиновника. Мадам выиграла сто двадцать тысяч!

Требовалась пауза, чтобы пережить такой шок. Пушкин помолчал.

– Ей заплатили всю сумму?

– Крупье выгреб банк...

– Бывают чудеса в Москве. Какое дело сыскной полиции до такого везения?

– Ее собираются убить, – торжествуя, закончила Агата.

– Такое заявление требует серьезного обоснования, – сказал Пушкин. – Какие у вас факты?

Она поморщилась.

– У меня чутье, которое никогда не подводит. И сердце. Я знаю и вижу людей. Особенно мужчин. Кажется, я это доказала... В прошлом, разумеется...

– Будьте добры, факты...

– Около нее крутилось двое мужчин. Один не старше двадцати пяти, такой мерзкий, как зазнавшийся приказчик. Другой солидный и вальяжный, далеко за пятьдесят. Сначала умоляли даму не ставить деньги, а потом чуть не вырывали у нее из рук купюры. Правда, она отогнала их, как мошек... Дама строгая и суровая, сразу видно...

– Это все факты?

Агата не могла обижаться.

– Нет, не все, господин, сыщик, – ответила она с вызовом. – Рядом с ней крутилась девица, похожая на селедку. Всё советы давала, возмущалась, как делает ставки, по блокнутику что-то проверяла. А когда та выиграла, селедка чуть не лопнула от возмущения. Знаете, кто она?

Пушкин уже знал. Надо было позволить Агате нанести победный удар. Что она и сделала:

– Та самая девица, с виду курсистка, которую сначала гнали по сугробам, потом помогли встать и отвели в дом. Когда я мерзла под деревом...

В наблюдательности Агате нельзя было отказать. Особенно в навешивании ярлыков. Нельзя отрицать, что в барышне Рузо есть что-то от холодной селедки.

– Итог: двое мужчин и барышня, – сказал Пушкин. – В чем ваше обвинение?

– Уверена: кто-то из них намерен прикончить родственницу и забрать выигрыш... – ответила Агата. – Такие жадные, алчные и скользкие типы.

– Откуда известно, что они родственники?

– Юный прыщ называл ее тетушкой, а старый ловелас Аннушкой. Этого мало?

– Для обвинения в убийстве – да.

Наблюдения кончились. Агата старательно искала, что бы еще припомнить.

– Помяните мое слово: они ее прикончат, – сказала она.

– Видели, как эти господа сопровождали даму с рулетки?

– Нет, я ушла немного раньше... Но это ничего не меняет!

Формально Пушкин не имел права раскрывать никакие подробности посторонней. Но в данном случае Агата Керн была уже не посторонней, а свидетелем. Что меняло дело.

– Терновская Анна Васильевна скончалась в ту же ночь на первое января. У вас есть еще что-то, что можете сообщить по данному обстоятельству?

Когда смысл сказанного дошел в полной мере, Агата с трудом удержалась, чтоб не вскочить и не вклепать наглому обманщику пощечину. Она перед ним карты выкладывает, можно сказать – душу наизнанку выворачивает, а он, оказывается, уже все знал? Как относиться после такого к мужчинам?..

Но ей хватило благоразумия.

– Убита, – проговорила Агата, как будто знала. – Какая мерзость: убивать женщину.

– А мужчину? – спросил Пушкин.

– Мужчины играют со смертью, мужчины убивают, что вас жалеть... А убийство женщины... Это противно человеческой натуре... Женщин убивать нельзя... – она хлопнула по столу так, что официант направился принять заказ. – Я выведу убийцу на чистую воду... Моя личная месть негодяям...

– Госпожа Керн... Агата, – поправился Пушкин. – Напоминаю, что никакое частное лицо не должно заниматься полицейским розыском. Запрещено законом. В случае нарушения – арест.

– Помогать сыскной полиции закон не запрещает?

Пушкин пробурчал нечто невнятное.

– Только помощь, ничего, кроме помощи, – сказала Агата. – Как помогает свидетель. Я так люблю давать показания полиции... Снимете с меня... показания? Вы же примете мою помощь? Это же совсем не то, что выбрасывать подарки от воровки... Кстати, покажите ваш блокнот.

– Зачем?

– Хочу взглянуть на вашу хваленую формулу сыска. Наверняка уже составили?

Раз мадемуазель настаивает...

Вынув блокнот, Пушкин стянул резинку и показал чистый лист. Агата склонила голову к плечу, будто хотела заглянуть между страницами.

– У вас же были рисунки... Мои рисунки... Где они?

Какая наблюдательность. Пушкин спрятал блокнот.

– Ненужные листы удаляю, – сказал он.

– Разумеется, зачем их держать, – согласилась Агата с тихой улыбкой.

Нельзя больше испытывать судьбу. По тому, как она держит край сервировочной тарелки, Пушкин догадывался, что блюдо сейчас прилетит ему в голову. А за ним и все, что есть на столе. Посуду ресторана следовало поберечь. Он резво встал.

– Прошу не предпринимать без моего ведома никаких действий, – и, поклонившись, быстро пошел к выходу.

Тарелка все еще могла ударить ему в спину. Пушкину повезло. Он перешел в холл гостиной и направился к портю. Можно держать пари: Агата будет следить. Ставка настолько верная, что выигрыш гарантирован. Жаль, никто не собирался ставить.

19

Служба городского не так чтобы легка. Тяжкая это служба, безмерно тяжкая. На посту по двенадцать часов в любую погоду. Проживание в казарме, жалованье крохотное, да еще сам покупай сапоги и обмундирование. А коли не хочешь, так предоставят и сапоги, и шинель, да только вычтут из жалованья. Хорошо, если в квартале лавки. Купцы городских балуют – кто съестное преподнесет, а кто отрез ткани. Чем торгуют, тем и делятся. Чтобы ночью присматривали, а если какое безобразие в лавке случится, пришли с подмогой. Городовые, конечно, и так порядок блюсти обязаны. Но ведь когда городской из твоей лавки сыт – куда надежнее.

Хуже, когда в квартале жилые дома. Тут уж прибыль куда скромнее. А в Арбатской части и подавно. Домишки небольшие, живут которым поколением. Так что если на Рождество или Пасху поднесут рубль, на том спасибо. Большая Молчановка была такой вот невыгодной улицей.

Городовой Оборин топтался на морозе, и деваться ему было некуда. Разве что из конца в конец улицу пройти. Приказ чиновника сыска помнил и поглядывал за домом Терновской. Вот только никто в него не совался. Дворник Прокопий как замок навесил, так и отправился в сторожку греться. Звал с собой, да городской не рискнул уйти с поста. В спокойный день, конечно, позволительно, а когда происшествие свежо, лучше быть на страже.

Быстро стемнело. Фонарей на Большой Молчановке было два, да и те газовые. Света от них, как от керосиновой лампы. Улица растворилась в черноте. Только сугробы белеют да окна светятся. Теплом манят. Со звонницы долетели удары колокола. Шесть часов... До конца смены еще стоять и стоять.

По другой стороне тротуара быстро шел господин. В темноте Оборин не мог толком разобрать, что за человек, но по манере держаться сразу видно: непростой. Важной птицей себя держит, тросточкой помахивает. Городовой стал посматривать. Господин вел себя немного странно: часто оглядывался, будто опасался погони. У ворот Терновской задержался, вроде собираясь зайти, затем двинулся к окнам, приткнулся к третьему, стал выглядывать. Но не постукался, а направился назад и скрылся за каменным проемом.

Долго не размышляя, Оборин перешел улицу и вошел во двор дома. Господин стоял на крылечке и старался открыть навесной замок, тихо ругаясь. В темноте было заметно, как он торопится.

Городовой внушительно кашлянул. Господин вздрогнул и посмотрел, откуда звук. Оборин легонько отдал честь.

– Прощения просим, – сказал он. – Извольте сойти и следовать за мной в участок.

Бросив замок и торопливо сунув ключ в карман, господин принял самую независимую, если не сказать возвышенную позу. Что на крылечке получалось особенно удачно.

– В чем дело? – строго спросил он.

– Приказано доставлять в участок...

– С какой стати?

– Там объяснят, прошу следовать. – и Оборин сделал шаг вперед.

На крыльце деваться было некуда. Господин вжался в дверь.

– Что вы себе позволяете? Что за полицейский произвол? Да вы знаете, с кем имеете дело? Я с самым главой городской управы Александровым знаком! Это что еще за глупости!

Угроз и страданий городской наслушался достаточно. Каждая шишка норовит над ним свою власть показать. Оборин выразительно поправил шашку на боку.

– Извольте выполнять приказание полиции, – с явной угрозой сказал он.

Господин помахал палочкой.

– Ишь какой! Беззаконие! Хамство! Наглость! Я не позволю...

Вопли его звучали беспомощно.

– Подобру прошу, господин, идти в участок... Будьте разумны.

Вместо этого господин повел себя крайне неразумно.

– Помогите! Полиция! – вдруг закричал тонким го-лоском.

С Оборина было достаточно. Расстегнув кобуру, он достал револьвер и приподнял, насколько позволял шнурок, привязанный к рукоятке оружия и обвивавший шею городского. Стрелять он, конечно, не собирался, незачем поднимать переполох в тихом квартале. Пугнуть как следует... Угроза подействовала. Господин смолк, прижимая к груди тросточку.

– Прошу в участок, – сказал Оборин, указывая стволом на ворота.

Повторять не пришлось. Господин покорно сошел с крыльца и последовал на улицу. И даже не делал попыток сбежать. Так и шел под дулом до Арбатского дома.

Оборин был доволен, что ловко справился. Легонько толкнув в спину, завел пойманного в приемное отделение.

Поручик Трашантый как раз потчевал себя вечерним чаем. Явление городского с господином приличного, а не преступного вида не входило в его планы на вечер.

– Это что еще такое? – спросил поручик с откровенным раздражением.

– Выполнил указание сыскной полиции, – сказал Оборин, пряча револьвер. – Задерживать всех, кто явится в дом мадам Терновской.

Тут Трашантый вспомнил, что сам пристав требовал от каждого городского, кто дежурит на Большой Молчановке, полной бдительности. И сразу сменил тон.

– Молодец, Оборин, примерно службу несешь! Продолжай в том же духе...

Городовой довольно козырнул.

– Рады стараться, ваш бродь... Этого в загон или в сибирку?²⁷

Трашантый присмотрелся к задержанному: на вид солидный, состоятельный господин. Наверняка невиновен. Будет потом жалобы строчить, одна головная боль. Пусть тот разбирается, кому это нужно. А участок не вмешивает.

– Вот что, Оборин... Веди-ка задержанного прямиком в сыск.

Новость была не из приятных. Хоть Малый Гнездниковский недалеко, но тащиться со скандальным субъектом по городу... Опять под дулом вести?

– Да как же... – только начал городской.

– Не рассуждай, а выполняй! – приказал Трашантый. – Веди в сыск!

– Ужас! Я буду жаловаться! Я с прокурором в карты играю!

²⁷ Сибирка – камера одиночного заключения.

Под эти и прочие грозные крики Оборин вывел пойманного из участка. Правда, обошлось без револьвера. А Трашантый убедился, что поступил правильно: устроит господин с тросточкой неприятности. Такой может, одно пальто рублей сто стоит.

Он вернулся к чаю. Но этим вечером не суждено ему было насладиться покоем. В приемном отделении появилась девушка в скромном пальтишке, замотанная в платок. Трашантый узнал ее: экономка старухи, что снимает особняк, Агапой, кажется, зовут...

– Что вам угодно, милая? – довольно ласково спросил он, чувствуя превосходство.

– Прощения прошу, господин полицейский, не случилось ли чего в доме мадам Терновской? – говорила она взволнованно.

Приятно порою быть полицейским при чине. Трашантый принял горделивую позу.

– Что за печаль, Агапушка?

– Барыня моя спрашивает, волнуется, в окно видела: городовые к ней ходили и сам господин пристав наведалься.

– Умерла Анна Васильевна, – сказал поручик, подкручивая усы.

Девушка заохала и прикрыла ладошкой рот.

– Горе-то какое... Когда же случилось?

– В ночь на Новый год...

– Значит, права барыня оказалась, – сказала она печально.

Трашантый насторожился:

– В чем же она права?

– Так ведь в ту ночь видела, как к Анне Васильевне приходил кто-то, а потом до утра у нее свет горел и на другой день тоже... Может, господин полицейский, заглянете к нам? Барыня приглашала, рассказать хочет...

Чуть не на блюдечке с голубой каемочкой поручику преподнесли свидетеля. Да не простого, а золотого, буквально. Свидетельница видела ночного гостя. Наверняка убийца. Больше некому по ночам ходить к Терновской. Только опросить старуху хорошенько – и бери его, голубчика... Но тут Трашантый вспомнил, как охарактеризовал Пушкину мадам Медгурст. Сболтнул, не подумав, первое, что с языка слетело. С кем не бывает... Что же теперь окажется: она видит? Да и пристав настрого приказал не лезть, пусть сыск сам разбирается. Что оставалось поручику, попавшему меж двух огней?

– Это, милая, не к нам, – сказал он. – Извольте в сыск мадам Медгурст направить. Они делом занимаются...

Агапа совершенно растерялась.

– Да что вы, господин полицейский, она же в коляске... Из дома не выходит, как ей до сыска добраться...

– В сыск, все в сыск, – ответил Трашантый и нашел на столе бумажку, которую срочно надо было прочесть.

– Воля ваша, как знаете, – сказала Агапа, пожав плечами.

Подоткнув платок, она ушла. Трашантый только вздохнул с облегчением.

20

Чтобы молодой неженатый мужчина поднялся в номер к юной барышне, пусть и с компаньонкой? О таком и подумать было нельзя. Приличная барышня, не актриса, не проститутка, должна заботиться о своей репутации. Не важно, что в Москве, далеко от родителя. Злые языки найдутся, до Твери дойдет. Ну и так далее...

Пушкин просил портье послать за мадемуазель Тимашевой. Наверх был отправлен мальчонка в красном мундирчике, вышитом шнурами на манер гусарского ментика.

Мягкие кресла холла манили утонуть в тихой плюшевой неге. Пушкин сел ждать так, чтобы видеть и лестницу, и выход из ресторана. Хоть Агата не показывалась, он не сомневался: мадемуазель там. На пару со своим безграничным любопытством.

Ждать пришлось не менее полчаса. Наконец на лестнице появилась барышня в светлом платье. Она прямо держала спину и осматривала холл с независимым, если не сказать дерзким видом. Внешность довольно милая, если не сказать симпатичная. В таком немного кукольном стиле... За ней держалась компаньонка в темном. Пушкин подошел, поклонился, представился. Мадемуазель Тимашева ответила, что рада знакомству. Глаза ее говорили о другом. Кивком указала на компаньонку, назвав Прасковьей. Пушкин предложил пройти в холл.

Тимашева пошла впереди. Выбрала кресла рядом с окнами на Тверскую улицу. Свое кресло Пушкин отодвинул чуть подальше от барышень. Соблюдая самые строгие приличия. При этом старательно не замечал взглядов, какие бросала на него компаньонка.

– Мадемуазель Тимашева... – начал он. Но на него махнули ручкой.

– Оставьте этот официальный тон, мы же не в Петербурге... Просто Настасья Андреевна...

Он благодарно склонил голову пред такой милостью.

– Так вот, Настасья Андреевна, полагаю, моя тетушка Львова смогла достаточно испортить мнение обо мне. Мнение ошибочно...

Настасья готовилась к скучной светской беседе с благовоспитанным юношей, занудным и правильным. И никак не ожидала подобного поворота. Она взглянула на Пушкина с интересом.

– Служу в сыскной полиции, занят с утра до позднего вечера, единственный неприсутственный день, воскресенье, предпочитаю проводить на диване... К тому же я человек грубый и скучный. Имею дело с ворами да убийцами. Развлекать барышень не умею. И не хочу. Достаточно ясно я выразился?

Настасья не верила своим ушам. И переглянулась с Прасковьей.

– То есть не будете нас опекать?

– Нет, не буду.

– И не будете составлять план нашего пребывания в Москве?

– Предпочитаю не заниматься подобной ерундой.

– И следить за нами не станете?

– Ни малейшего желания, – сказал Пушкин. – Я слишком ленив для этого...

Если бы не приличия, Тимашева наверняка вскочила и запрыгала бы на одной ножке. А так вздохнула с облегчением.

– Боже, какое счастье... Благодарю, что не покушаетесь на мою свободу...

– Рад услужить...

Важная мысль, и, главное, вовремя, посетила Настасью.

– Только мадам Львова ничего не должна узнать, – сказала она.

Пушкин согласно кивнул.

– Составим список мест, куда я вас возил. Чтобы обманывать мою милую и добрую тетушку... Врать будем параллельно, то есть и вы, и я говорим одно и то же...

Совершенно по-детски Настасья захлопала в ладошки. Шалость ей нравилась.

– Как это славно! А то нам жизни нет от московских тетушек... То езжай к вашей тетушке, то к Живокини, то к Терновской... Сил никаких нет...

Он и ухом не повел. Напротив, изобразил внезапную радость.

– Так вы племянница Анны Васильевны?

Настасья выразила удивление.

– Разумеется, она родная сестра моей покойной матушки... Разве мадам Львова вам не сказала?

– Конечно, говорила. С делами сыска из головы вылетело, – сказал Пушкин. – Когда же вы навещали ее?

– Третьего дня, – ответила Прасковья, помогая не менее забывчивой Настасье.

– Выходит, вечером тридцать первого декабря... А признайтесь, тетушка потом повезла вас на рулетку? – И он шутливо погрозил пальцем.

Секреты барышень только им кажутся тайнами. Все было на виду. В обмене взглядами, в подавленных смешках.

– Только не выдавайте нас мадам Львовой, – хихикнув, сказал Настасья.

– Ни за что не выдам, – обещал Пушкин. – Много проиграли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.